

ISSN 2409-8701

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

ПСИХОЛОГ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-07-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявлена Диана Борисовна, доктор психологических наук, тро-
120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-07-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихookeанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Уppsальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спиррова Эльвира Маратовна – доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгалычев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ейская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв.

56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviationsionnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Ye1skaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

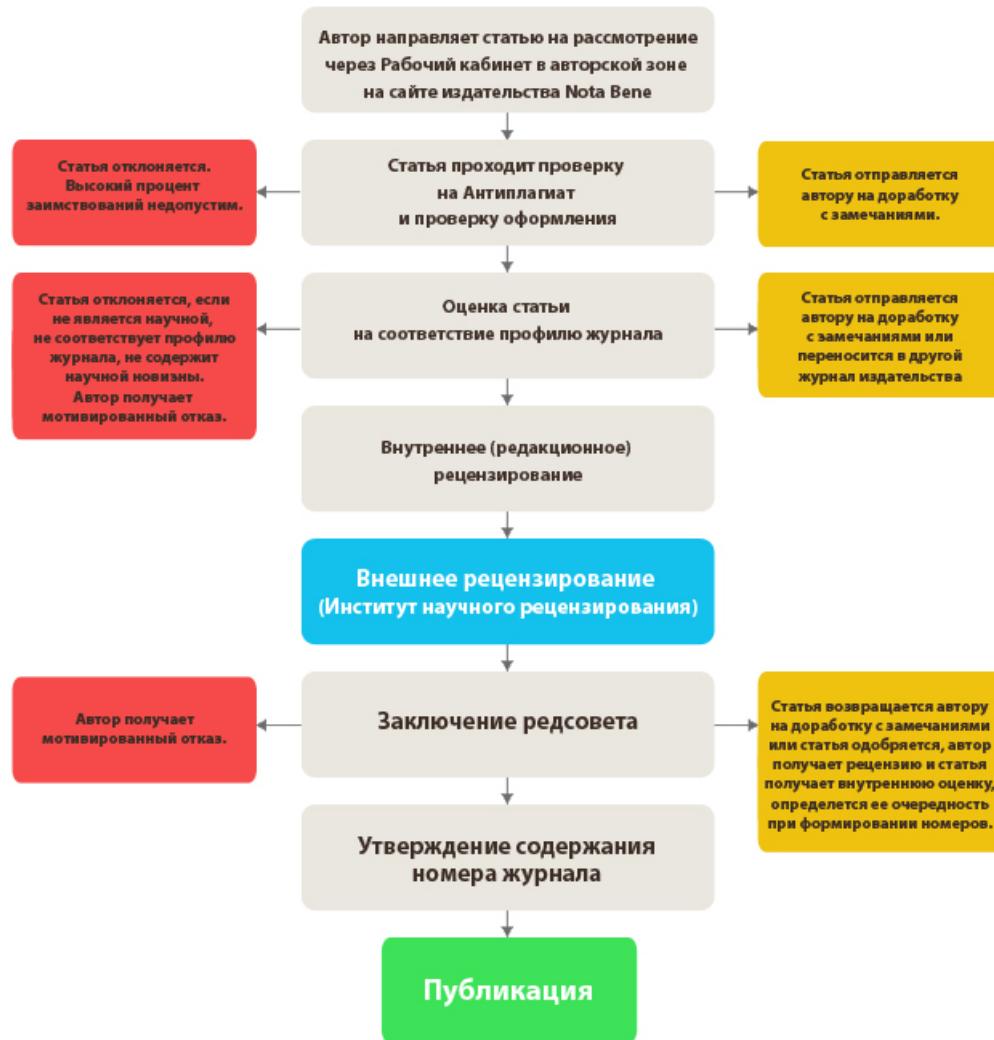
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Капустина Т.В., Гайдай А.С., Горшкова О.В., Кадыров Р.В. Эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации у специалистов, работающих в коррекционных учреждениях	1
Канунников Р.И., Рябова М.Г. Развитие профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел с различным локусом контроля	17
Гельман В.Я. О компенсации влияния развития информационно-коммуникационных технологий на когнитивные функции	28
Тулитбаева Г.Ф., Политика О.И., Сафина Л.Ф. Особенности идентичности у подростков с суициальными попытками во время пандемии COVID-19	38
Кузьмина А.С., Прайзendorf Е.С. Тревожно-депрессивная симптоматика в контексте типа отношения к беременности у женщин в послеродовый период	46
Англоязычные метаданные	63

Contents

Kapustina T.V., Gaidai A.S., Gorshkova O.V., Kadyrov R.V. Emotional burnout as an element of professional deformation among specialists working in correctional institutions	1
Kanunnikov R.I., Ryabova M.G. Development of Professional Identity of Employees of Internal Affairs Bodies with Different Locus of Control	17
Gelman V. On Compensation of the Impact of the Development of Information and Communication Technologies on Cognitive Functions	28
Tulitbaeva G.F., Politika O.I., Safina L.F. Identity features of adolescents with suicidal attempts during the COVID-19 pandemic	38
Kuzmina A.S., Praizendorf E.S. Anxiety-depressive symptoms in the context of the type of attitude to pregnancy of women in the postpartum period	46
Metadata in english	63

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Капустина Т.В., Гайдай А.С., Горшкова О.В., Кадыров Р.В. — Эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации у специалистов, работающих в коррекционных учреждениях // Психолог. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.3.40912 EDN: JUHHSJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40912

Эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации у специалистов, работающих в коррекционных учреждениях

Капустина Татьяна Викторовна

ORCID: 0000-0001-9833-8963

кандидат психологических наук

доцент, кафедра общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр. Острякова, 2

✉ 12_archetypesplus@mail.ru

Гайдай Антон Сергеевич

ORCID: 0000-0002-0648-1170

старший преподаватель, кафедра общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр. Острякова, 2

✉ netparoley@gmail.com

Горшкова Оксана Владимировна

кандидат социологических наук

доцент, кафедра общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр. Острякова, 2

✉ oksgor@mail.ru

Кадыров Руслан Васитович

кандидат психологических наук

заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр. Острякова, 2

✉ rusl-kad@yandex.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.3.40912

—

JUHHSJ

Дата направления статьи в редакцию:

29-05-2023

Дата публикации:

05-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации у специалистов, работающих в коррекционных учреждениях. Эмпирическим объектом исследования выступили специалисты коррекционных учреждений, имеющих стаж работы от 14 лет, поскольку они более подвержены эмоциональному выгоранию. Группу сравнения представили педагоги, не работающие в коррекционных учреждениях. Общая выборка исследования 104 человека. Авторы исследования, проведя теоретический анализ, делают общий вывод о том, что синдром эмоционального выгорания следует рассматривать как элемент профессиональной деформации. Подтверждением является то, что структура профессиональной деформации представлена описанием широкого спектра изменений, происходящих в психике в профессиональной среде, вызываемые также большим количеством всевозможных факторов. Синдром эмоционального выгорания является его элементом, так как искажения личности и психики в целом, вызываемые в процессе рабочей деятельности, могут быть вызваны длительным воздействием стрессогенных факторов, связанных как с общим повышенным эмоциональным фоном, так и вредоносными воздействиями, провоцирующими эмоциональные реакции. Все это истощает психику и способствует развитию профессиональной деформации. Тема эмоционального выгорания не нова, однако настоящая работа рассматривает эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации личности и описывает его проявления, опираясь на компонентную модель. Полученные статистические результаты, выявленные путем сопоставления выраженности эмоционального выгорания между специалистами коррекционных учреждений и педагогами, не работающими в коррекционных учреждениях, а также с помощью корреляционного анализа между проявлениями эмоционального выгорания и личностными характеристиками, позволили описать особенности проявления эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации на аффективно-когнитивном, физиологическом и поведенческом уровнях. Подробное описание позволяет более детально и точечно формировать программы профилактики и психологического сопровождения специалистов коррекционных учреждений.

Ключевые слова:

эмоциональное выгорание, профессиональная деформация, специалисты коррекционных учреждений, профессиональный стресс, симптомы эмоционального выгорания, компонентная модель, аффективно-когнитивный компонент, физиологический компонент, поведенческий компонент, проблемы межличностного общения

Феномен профессиональной деформации, несмотря на его изученность, как в России, так

и за рубежом, в настоящее время является серьезной проблемой, с которой сталкиваются с каждым годом большое количество специалистов [1, 2, 3, 6, 9, 12, 15, 16]. По мнению многих авторов (Белозерова Л.А., Боянов В.С., Капустина Т.В., Сафукова Н.Н., Самойлова И.В.), синдром эмоционального выгорания, как элемент профессиональной деформации, проявляется в реагировании организма на воздействие профессиональных стрессоров [1, 2, 9]. Специалисты, работающие в коррекционных учреждениях, попадают в группу профессий, подверженных эмоциональному выгоранию, среди них врачи, педагоги, психологи, и другие профессии в системе «Человек-человек». В первую очередь это связано с тем, что им приходится больше всех взаимодействовать с другими людьми, применяя определенные качества личности [1, 4, 7, 11, 12, 16]. Именно кенным к данным специалистам предъявляются большие требования в их личности и способностях, и их отсутствие может являться причиной выгорания. Как указывают Bianchi R., Marques-Pinto A. и соавторы, замкнутость и отстраненность как черты личности в социальных профессиях способны вызывать определенные, в основном, негативные эмоциональные реакции и переживания в процессе взаимодействия с клиентами, пациентами, учениками [12, 16]. Множество факторов, влияющих на появление данного синдрома, способны в дальнейшем привести к серьезным изменениям личности, что в свою очередь, повышает риск развития серьезных заболеваний и ведет к необратимым изменениям в психике [17, 13].

Специфика профессиональной деятельности специалистов, работающих в коррекционных учреждениях, характеризуется в «психологическом сопровождении» ребенка с различными отклонениями в психическом и/или физическом состоянии. То есть специалист в коррекционных учреждениях имеет перед собой цель создание определенных условий, способствующих успешному обучению и развитию каждого ребенка, коррекции его особенностей развития по составленной программе на основе проведенной им диагностики – это существенно отличает его деятельность от особенностей профессиональной деятельности педагога [10, 11, 13, 14]. Специалистам коррекционных учреждений приходится работать в ситуациях повышенной непредсказуемости, ввиду особенностей проявления некоторых нарушений в развитии, например, при работе с детьми с расстройствами аутистического спектра [11]. Постоянная готовность к непредсказуемым действиям учеников усиливает риск возникновения эмоционального выгорания [13]. Педагоги коррекционных учреждений, подверженные симптомам эмоционального выгорания, испытывают потребность в уединении, ловят себя на агрессивных мыслях в отношении коллег и детей, а так же склонны к обесцениванию достижений, заслуг и своих профессиональных результатов [5, 10, 11, 13, 14].

Актуальность работы состоит в том, чтобы выявить и предупредить факторы, влияющие на эмоциональное выгорание с целью минимизации данного синдрома и повышения безопасной работоспособности, что в свою очередь, в дальнейшем, позволит увеличить эффективность работы специалистов коррекционных учреждений. Накопление научных знаний о данной проблеме также позволит более качественно подходить к проблеме решения и минимизации данного синдрома среди населения. Структурированная информация, подробное описание эмоционального выгорания, а также точная дифференцировка от других элементов профессиональной деформации позволят более точно определить проблему и подобрать соответствующие и эффективные методы воздействия. Структурирование может быть достигнуто через рассмотрение эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации личности с помощью компонентной модели, представленной тремя компонентами аффективно-

когнитивном, физиологическом и поведенческом [2]. Теоретический анализ ряда исследований (Белозерова Л.А., Вакуленко М.В., Давыдова Н.И., Пачколина Е.Н., Самойлова И.В., Сафукова Н.Н., Шамиева Н.С., Фархутдинова Л.В., Bianchi R., Manzano-Garcí, G., Rolland J.-P., Garwood J.D. и др.) позволил определить и предположить, что аффективно-когнитивный компонент эмоционального выгорания представлен постоянной сменой настроения, частыми вспышками агрессии в сторону коллег, не соответствующих адекватности стимула. Физиологический компонент связан с постоянным ощущением внутренней скованности и напряжения, усталости. Поведенческий компонент выражается в уходе от обязательств и проблем, в социальной изоляции в ситуациях повышенной требовательности, воздействующих длительное время [1, 3, 4, 8, 9, 11, 12, 13, 14]. Таким образом, проявления эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации у специалистов коррекционных учреждений имеет свои особенности и закономерности. Однако узнать о том, как именно они проявляются и имеют ли отличия от педагогов, не работающих в коррекционных учреждениях, можно подробно изучив особенности проявлений эмоционального выгорания, а также личностные особенности специалистов.

Цель работы – описать эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации у специалистов, работающих в коррекционных учреждениях в сравнении с педагогами, не работающими в коррекционных учреждениях по трем компонентам: физиологическом, аффективно-когнитивном и поведенческом.

Организация и методы исследования

В исследовании принимали участие специалисты коррекционных учреждений города Владивостока и Южно-Сахалинска. Основную группу исследования составили 52 специалиста коррекционного учреждения женского пола в возрасте 38-54 лет со стажем работы от 14 лет. Группу сравнения представили 52 педагога, работающие в общеобразовательных учреждениях. Все исследуемые женского пола в возрасте от 37 до 51 года, со стажем работы более 14 лет.

Методики, применяемые в исследовании, позволяют достоверно описать компоненты эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации и подбирались в соответствии с целью работы. В исследовании были использованы: Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, Опросник на определение уровня психического выгорания (MBI) К. Маслач, С. Джексон (в адаптации Н.Е. Водопьяновой), Опросник поведения и переживания, связанного с работой (AVEM) У. Шааршmidt, А. Фишер (в адаптации Т. Ронгинской) и Индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л.Н. Собчик. Так как цель данного исследования является установление различий эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации у специалистов коррекционных учреждений и педагогов, не работающих в коррекционных учреждениях, при статической обработке полученных данных был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни при уровне значимости не более 5% ($p\text{-level} \leq 0.05$). Для установления взаимосвязи отдельных показателей (проявлений эмоционального выгорания и личностных черт) в основной группе применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Все расчеты проводились в программе Statistica 10.0.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе анализа было проведено статистическое изучение компонентов эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации между

основной группой и группой сравнения с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

При изучении различий проявлений эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации были выявлены значимые различия по разным методикам (Таблица 1).

Таблица 1 – Статистически выявленные различия эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации между основной группой и группой сравнения

Компоненты «выгорания» (фаза стресса)	Шкала (Симптом)	Группы	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U	Значения верхних критических точек, Z	Уровень достоверности (p-level)
Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко					
Напряжение	Неудовлетворенность собой	Осн/Ср	54,0	2,11	0,035
Резистентность	Неадекватное эмоциональное реагирование	Осн/Ср	32,0	3,02	0,003
Опросник на определение уровня психического выгорания (MBI) К. Маслач, С. Джексон					
(в адаптации Н.Е. Водопьяновой)					
Деперсонализация (личностное отдаление)	Осн/Ср	134,5000	1,79		0,047
Опросник поведения и переживания, связанного с работой (AVEM) У. Шааршмидт, А. Фишер (в адаптации Т. Ронгинской)					
Тенденция к отказу в ситуации неудачи (RT)	Осн/Ср	133,0000	1,85		0,042
Индивидуально-типологический опросник (ITO) Л.Н. Собчик					
Индивидуализм	Осн/Ср	133,0	1,83		0,044
Коммуникативность	Осн/Ср	137,5	-1,74		0,049

Так, согласно результатам статистической обработки, специалисты коррекционных учреждений более склонны к началу формирования фазы напряжения, которая выражается в симптоме неудовлетворенности собой. Можно предположить, что различия в условиях и задачах профессиональной деятельности основной группы и группы сравнения являются причиной такого результата. Специалисты коррекционных учреждений, вероятно, склонны больше оценивать свою деятельность, как сложную и требующую повышенной ответственности. Им приходится работать с такой группой детей, которые, так или иначе, имеют определенные особенности развития психики и/или различные физиологические нарушения. Условия среды формируют у них трудности с достижением поставленных перед ними целей, которые периодически могут потребовать более длительного времени для их реализации или даже и вовсе – невозможности достичь. И, таким образом, специалисты коррекционных учреждений, находясь под воздействием длительных профессиональных стрессов, могут перенимать трудности, происходящие в процессе выполнения их работы на свой счет, обвиняя самих себя в невозможности достаточно эффективно достигать результата, что также может

сказываться на их самооценке. Также отмечаются значимые результаты по уровню формирования фазы резистентности. Было установлено, что специалисты коррекционных учреждений более склонны к формированию фазы резистентности, которая характеризуется, в данном случае, проявлением такого симптома эмоционального выгорания, как неадекватное эмоциональное реагирование. В этом случае, в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей, люди с данным симптомом склонны более ярко реагировать на различные трудные ситуации, излишне эмоционально и порой, не в соответствии с самой ситуацией. Можно предположить, что специалисты коррекционных учреждений, находясь в состоянии усталости и эмоциональной перегруженности, вызванной условиями их профессиональной среды, чаще, чем педагоги, не работающие в коррекционных учреждениях, склонны к негативным эмоциональным реакциям в сторону своих коллег или даже детей. Или, возможно, им чаще удается поймать себя на негативных мыслях, возникающих в процессе рабочих взаимодействий.

Статистические результаты по методике К. Маслач и С. Джексон показали, что специалисты коррекционных учреждений имеют склонность к формированию специфической формы социальной дезадаптации в социальной среде в сравнении с педагогами, работающими с детьми, не имеющих различных форм отклонения в физическом и/или психическом развитии. Основная группа более подвержена к ограничению количества контактов с окружающими их людьми, у них имеется тенденция к раздражительности и нетерпимости в ситуациях межличностного взаимодействия, к негативизму по отношению к близким людям. Можно предположить, что особенности условий среды специалистов, подвергающих их постоянным эмоциональным перегрузкам и длительному воздействию стрессов, в состоянии усталости и плохого настроения вынуждают отстраняться от общения с людьми с целью нормализации своего психического состояния. Вероятно, мысли и переживания о проблемах и трудностях на работе могут провоцировать вспышки агрессии и агрессивного поведения.

По методике AVEM выявлены значимые различия по шкале Тенденция к отказу в ситуации неудачи (RT) – склонность к примирению с ситуацией неудачи и легкому отказу от ее преодоления. Вероятно, в основной группе, ввиду условий повышенных требований и постоянных эмоциональных перегрузок, специалист будет склонен к тому, чтобы принять ситуацию как нечто «постоянное» и частое, не расценивая ее как что-то трагичное и «угрожающее». Возможно, подобная модель поведения вызвана тем, что человек, обесценивая ситуацию, не допускает развития негативных эмоциональных переживаний, которые способны спровоцировать конфликт и повлечь за собой еще большие трудности. Опыт работы позволяет рационально подойти к той проблемной ситуации, от преодоления которой можно отказаться в пользу своего психического здоровья, а также экономии времени для реализации задач своей профессиональной деятельности. Такой подход обеспечивает сохранение хороших отношений с коллективом, начальством и детьми, однако может повлечь дополнительные трудности при «игнорировании» действительно важных проблем.

По результатам методики ИТО Л.Н. Собчик, люди, входящие в основную группу, более склонны к проявлениям отстраненности, изолированности. Им легче придумывать что-то новое и работать в тихой обстановке. Они стремятся к самостоятельности и самодостаточности, предпочитают общение с позиции дополнительной поддержки. Можно предположить, что они склонны держать проблемы, с которыми сталкиваются на работе, в себе и решать их самостоятельно по мере необходимости. Говоря о педагогах, работающих в общеобразовательных учреждениях, им, в сравнении со специалистами

коррекционных учреждений, более свойственна коммуникативность и общительность, стремление к установлению большого числа контактов. Вероятно, такие различия связаны с особенностями их деятельности – педагогам необходимо постоянно поддерживать общение с детьми, быть в коллективе детей, выполняя поставленные перед ними задачи; специалистам коррекционных учреждений больше свойственна диагностическая составляющая, чаще приходится работать с документами и методиками с целью составления коррекционных программ и планов реализации задач профессиональной деятельности. При этом, в основной группе более важен индивидуальный подход, так как, опираясь на особенности развития психики и физиологии, необходимо подобрать и составить точно проработанный план работы, который не подойдет другому ребенку с требованием переключаться между этими планами.

Второй этап эмпирического анализа результатов исследования характеризуется статистическим изучением взаимосвязи личностных особенностей и проявлений эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации у специалистов, работающих в коррекционных учреждениях с помощью коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена (Таблицы 2-3).

Специалисты коррекционных учреждений, которым свойственна потребность преувеличивать свои проблемы с целью получения поддержки, склонны к проявлению эмоционального и психического истощения, а также личностному отстранению. Можно предположить, что под воздействием постоянных профессиональных стрессов, основная группа, ввиду трудностей своей работы, склона обращать повышенное внимание на состояние своего здоровья, а также на психологические проблемы, которые возникают в процессе выполнения рабочих задач. Такие люди, согласно результатам исследования, «блокируют» потребность в общении, отстраняясь от контактов с целью нормализации состояния, при этом, постоянные мысли о своем текущем состоянии не дают специалистам адекватно оценивать негативные проявления.

Таблица 2 – Статистически выявленная взаимосвязь показателей у основной группы по методике ИТО Л.Н. Собчик и опроснику MBI К. Маслач и С. Джексон (в адаптации Н.Е Водопьяновой)

Коррелируемые показатели	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности
Агрегация / Психоэмоциональное истощение	52	0,75	0,0002
Агрегация / Деперсонализация (личностное отдаление)	52	0,81	0,0000
Экстраверсия / Деперсонализация	52	-0,63	0,0029
Экстраверсия / Редукция личных достижений (профессиональная мотивация)	52	0,62	0,0036
Спонтанность / Редукция	52	0,56	0,0100

личных достижений			
Сензитивность / Редукция личных достижений	52	0,62	0,0035
Тревожность / Редукция личных достижений	52	0,53	0,0154
Лабильность / Деперсонализация	52	-0,53	0,0167
Лидерство / Редукция личных достижений	52	0,65	0,0021
Неконформность / Редукция личных достижений	52	0,50	0,0245
Конформность / Редукция личных достижений	52	0,64	0,0024
Компромисность / Деперсонализация	52	-0,58	0,0069
Коммуникативность / Деперсонализация	52	-0,77	0,0001
Коммуникативность / Редукция личных достижений	52	0,56	0,0102

Также специалистам с высокими показателями агрегации свойственен целый ряд симптомов эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации (Таблица 3), а именно – переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, ощущение «загнанности в клетку», тревога и депрессия, расширение сферы экономии эмоций, эмоциональный дефицит, личностная отстраненность и психосоматические и психовегетативные нарушения. Согласно статистически полученным данным, преувеличение значимости своих проблем и трудности характера выявляет потребность специалиста в заботе о своем здоровье и желании оказания помощи, что говорит о развитии эмоционального выгорания, которое без помощи соответствующего специалиста довольно затруднительно будет преодолеть самостоятельно.

Таблица 3 – Статистически выявленная взаимосвязь показателей у основной группы по методике ИТО Л.Н. Собчик и методики диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко

Коррелируемые показатели	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности
Агрегация / Переживание психотравмирующих обстоятельств	52	0,67	0,0013
Агрегация / Неудовлетворенность собой	52	0,64	0,0022
Агрегация / «Загнанность в	--	--	--

«...расценивает, что на него...» клетку»	52	0,80	0,0000
Аггравация / Тревога и депрессия	52	0,67	0,0012
Аггравация / Расширение сферы экономии эмоций	52	0,73	0,0003
Аггравация / Эмоциональный дефицит	52	0,81	0,0000
Аггравация / Личностная отстраненность (деперсонализация)	52	0,77	0,0001
Аггравация / Психосоматические и психовегетативные нарушения	52	0,78	0,0001
Коммуникативность / Редукция личных достижений	52	0,56	0,0102
Экстраверсия / Переживание психотравмирующих обстоятельств	52	-0,53	0,0168
Экстраверсия / «Загнанность в клетку»	52	-0,51	0,0207
Экстраверсия / Редукция профессиональных обязанностей	52	-0,63	0,0031
Интроверсия / Неадекватное эмоциональное реагирование	52	0,69	0,0008
Интроверсия / Редукция профессиональных обязанностей	52	0,65	0,0018
Сензитивность / Эмоциональный дефицит	52	-0,53	0,0172
Сензитивность / Эмоциональная отстраненность	52	-0,72	0,0003
Сензитивность / Личностная отстраненность (деперсонализация)	52	-0,50	0,0240
Лидерство / Неадекватное эмоциональное реагирование	52	-0,62	0,0033
Лидерство / Редукция профессиональных обязанностей	52	-0,64	0,0023
Лидерство / Эмоциональный дефицит	52	-0,51	0,0225
Индивидуализм / Неадекватное эмоциональное реагирование	52	0,66	0,0015
Конформность / Эмоциональная отстраненность	52	-0,56	0,0099
Коммуникативность / Переживание	52	-0,57	0,0082

психотравмирующих обстоятельств			
Коммуникативность / Неудовлетворенность собой	52	-0,56	0,0102
Коммуникативность / «Загнанность в клетку»	52	-0,61	0,0046
Коммуникативность / Эмоциональный дефицит	52	-0,58	0,0074
Коммуникативность / Личностная отстраненность (деперсонализация)	52	-0,55	0,0126
Коммуникативность / Психосоматические и психовегетативные нарушения	52	-0,58	0,0080
Коммуникативность / Неудовлетворенность собой	52	-0,56	0,0102
Коммуникативность / «Загнанность в клетку»	52	-0,61	0,0046
Коммуникативность / Эмоциональный дефицит	52	-0,58	0,0074

Следующие математически выявленные сходства личностных особенностей и симптомов эмоционального выгорания позволяют сделать вывод о том, что, чем больше человек направлен на общение, открыт к новым контактам, тем меньше будет выражен симптом деперсонализации. Вероятно, человек, способный к открытому взаимодействию и стремящийся к вовлеченности в групповое взаимодействие, будет меньше склонен к социальной дезадаптации, вызываемой трудностями на работе. Экстраверты имеют тенденцию к обсуждению своих проблем в кругу близких людей, «разряжаются» в общении и таким образом, сохраняют спокойное психическое состояние. Однако, наличие проблем и сложности в профессиональной деятельности, при длительном воздействии, способны понижать самооценку специалиста, вызывать чувство вины и недовольство своими достижениями (Таблица 2). Наоборот, частые социальные связи на работе способны провоцировать переутомление и в дальнейшем, вызывать безразличие к работе. Согласно взаимосвязи корреляционных показателей по методике В.В. Бойко и Индивидуально-типологическому опроснику (Таблица 3), наличие в личностном профиле высоких показателей экстраверсии связано с отрицательной корреляцией по таким симптомам эмоционального выгорания, как переживание психотравмирующих событий, ощущения «загнанности в клетку» и редукции профессиональных обязанностей. То есть, специалист, направленный на «внешний» мир, открытый к общению, будет меньше подвергнут вышеописанным симптомам. В свою очередь, интроверты будут в большей степени подвержены развитию неадекватного эмоционального реагирования на трудности в своей работе, а так же на детей и коллег, а так же склонны к обесцениванию своих профессиональных и личностных достижений. Излишняя замкнутость и озабоченность своим «внутренним миром», в работе специалиста коррекционных учреждений, направленной на непосредственное взаимодействие с детьми, будет эмоционально «перенасыщать» такого человека, вызывая дискомфорт, который при длительном «поощрении» способен сформироваться в синдром эмоционального выгорания.

Далее, согласно результатам статистики, склонность к необдуманным высказываниям и поступкам взаимосвязана с проявлениями недовольства собой и своей профессиональной деятельностью. Можно предположить, что спонтанные действия человека могут вызывать проблемы в профессиональной среде, которые влекут за собой эмоциональное перенапряжение в попытках исправления трудно ситуации, а так же чувство вины за необдуманные высказывания.

Показатели сензитивности, взаимосвязанные с симптомом обесценивания личностных достижений говорят о том, что впечатлительные люди, склонные к «надумыванию» и постоянной рефлексии имеют тенденцию к излишне негативной оценке себя и своих профессиональных успехов. Работая с детьми, имеющими физиологические нарушения или психические отклонения, «впечатлительные» специалисты будут склонны к переживаниям за результат своей деятельности и самой работы в целом, боясь допустить ошибку, которая, по его мнению, приведет к крайне нежелательным последствиям. Несмотря на это, согласно результатам статистики, излишнее отреагирование негативных эмоций способствует торможению развития таких симптомов эмоционального выгорания, как эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность и личностная отстраненность (Таблица 3).

Специалисты, в характеристиках личности которых преобладает тревожность, склонны к большему проявлению недовольством собой и результатов своей работы (Таблица 2). Так как такие личности имеют склонность переживать и планировать, они также часто будут недовольны результатом и профессиональными достижениями, считая, что способны на большее. Однако, в некоторых случаях, работая с детьми, их «заявленные ожидания» не способны реализоваться в поставленный срок или вовсе невозможны. Личности же излишне эмоциональные, согласно результатам статистической взаимосвязи, обладают меньшей восприимчивостью к развитию социальной отстраненности. Способность отреагировать эмоции помогает нормализовать их психическое состояние, а откровенное и «чувственное» общение и обсуждение своих переживаний позволяет избавиться от излишнего напряжения.

Специалисты, склонные к лидерству, также обладают «устойчивостью» к развитию симптома деперсонализации, однако имеют тенденцию к оценке своих трудов как «несостоятельных» (Таблица 2). Инициативные специалисты, вовлеченные в коллективное и рабочее взаимодействие, имеют предрасположенность структурировать деятельность и подбирать правильные пути решения поставленных задач. Но трудности, с которыми им приходится сталкиваться ввиду особенностей работы коррекционных учреждений, не всегда способствуют своевременной и качественной завершенности решения профессиональных задач. В этом случае специалисты обвиняют себя в неудачах и провалах, которые могут возникнуть. Свои достижения списывают на «удачу» и не могут здраво оценить свое состояние. Тем не менее, результаты статистического анализа личностных особенностей с методикой В.В. Бойко (Таблица 3), показывает отрицательную корреляцию по таким симптомам, как неадекватное эмоциональное реагирование, редукция профессиональных обязанностей и эмоциональный дефицит. Специалист, стремящийся к организации своего труда, будет способен построить план таким образом, чтобы добиться максимально эффективных результатов, а способность коммуницировать и получать поддержку позволит отреагировать негативные эмоции и нормализовать психическое состояние.

Показатели неконформности и конформности показали высокую зависимость с симптомом редукции личностных достижений (Таблица 2). Вероятно, из полученных данных следует сделать вывод о том, что как излишняя неуверенность в себе и ориентация на

общепринятые нормы поведения, так и стиль поведения, характеризующийся излишними чертами эгоцентризма и уверенность в собственных знаниях и силах способны повлечь за собой развитие вышеописанного симптома. Ориентация на мнение общества способствует оценке специалистом трудностей своей профессиональной деятельности как несостоятельности себя как личности, а завышая свои возможности, человек строит нереалистичные планы и ожидания, которые не способен воплотить в жизнь, тем самым также «понижая» себя как состоятельная личность.

Статистически выявленная взаимосвязь показателя компромисности и деперсонализации показывает отрицательную корреляцию (Таблица 2). Таким образом, вовлеченный во взаимодействие специалист способен к эмоциональной поддержке, как детей, так и своих коллег, стремится к избеганию конфликтов путем принятия решения, удовлетворяющего все стороны. Для этого, человек использует свой богатый опыт в общении, что не позволяет ему эмоционально и личностно отстраниться от коллектива с целью решения проблем, связанных с трудностями профессиональной реальности учреждений коррекционного типа.

Математически была подтверждена взаимосвязь между показателями коммуникативности и такими симптомами эмоционального выгорания, как личностная отстраненность и редукцией профессиональных обязанностей. В первом случае, коммуникативная личность специалиста выступает как «ресурс» защиты от формирования деперсонализации, так как способность поддерживать беседу и направленность в коллектив позволяют отреагировать излишнее напряжение. Однако постоянная потребность в общении и взаимодействии может повлечь за собой снижение самооценки как профессионала, так как перенасыщение проблемами и общением способны вызвать негативные переживания в отношении работы в коррекционном учреждении. Статистический анализ взаимодействия личностных особенностей и симптомов выгорания показывает отрицательную корреляцию по следующим шкалам – переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, ощущение «загнанности в клетку», эмоциональный дефицит, личностная отстраненность». Таким образом, личность, обладающая навыками коммуникации, большим опытом общения и широким кругом близких людей, способна противостоять развитию эмоционального выгорания в своей профессиональной деятельности.

Заключение

Итак, полученные результаты позволяют описать проявления эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации личности, опираясь на компонентную модель.

Аффективно-когнитивный компонент характеризуется высоким уровнем эмоционального истощения, личностным отстранением, переживанием психотравмирующих обстоятельств, неадекватным эмоциональным реагированием, расширением сферы экономии эмоций и эмоциональным дефицитом в сочетании с такими чертами личности, как сензитивность и тревожность. Специалисты коррекционных учреждений с ярко выраженными симптомами эмоционального выгорания, который был сформирован под воздействием длительных профессиональных стрессов и эмоционального перенасыщения, имеют склонность к нарушениям социальной адаптации в обычной жизни. Трудности в установлении контакта со своим привычным кругом общения будет выражаться в частых вспышках гнева, неспособностью понять и/или оценить эмоциональное состояние собеседника. Можно предположить, что такой специалист будет испытывать чувство непонимания со стороны своих близких людей наряду с нежеланием просить помощи и искать поддержки. Также

негативные мысли в отношении коллег и детей будут все чаще мешать работе и правильно оценивать окружающую обстановку. Частые смены настроения, и, возможно, нервные срывы будут часто сопровождать его профессиональную деятельность. Даже самые незначительные трудности или проблемы в работе будут сопровождаться глубокими переживаниями, снижением самооценки и общего психического самочувствия.

Физиологический компонент эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации у специалистов, работающих в коррекционных учреждениях, раскрывается в формирующейся стадии психофизического истощения, напряжения. Выявлено, что педагоги коррекционных учреждений, имеют склонность к ощущению эмоционального и физического истощения. В своей работе они не чувствуют прежней «силы», с трудом справляются с задачами, которые раньше могли решить без подобных затрат. Работа с детьми приносит меньшее удовольствие. Постоянное ощущение нехватки сил мешает им адекватно ощущать себя в работе и в отношениях с детьми. Можно предположить, что такие симптомы, как головокружение и бессонница часто сопровождают обыденность специалистов. Как правило, на работу они приходят уставшими и не выспавшимися. Свободное время предпочитают тратить на попытку «отоспаться», однако это не приносит желаемого результата. Даже если на работу все же удается прийти бодрым, замечается резкая усталость от небольшой вовлеченности в профессиональную деятельность с потребностью как можно быстрее закончить и уйти домой. Однако утомленность не дает полноценно и своевременно выполнить поставленные перед ним задачи, что усугубляет положение. Они склонны работать через силу, вероятно, могут иметь какие либо психосоматические заболевания, например, частые боли в животе или сердце.

Поведенческий компонент эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации специалистов, работающих в коррекционных учреждениях, достаточно ярко выражен в проявлении таких симптомов выгорания, как деперсонализация, снижение рабочей продуктивности, редукции личностных достижений и профессиональных обязанностей, эмоционально-нравственной дезориентации, а также в неадекватном эмоциональном реагировании. Таким образом, их деятельность часто будет сопровождаться попытками облегчения своей работы, выражаяющиеся в «посредственном» отношении к деятельности. Можно предположить, что специалист, в стремлении освободить время от работы, будет общаться с детьми «на автомате», без сочувствия и/или эмпатии. Взаимодействие с коллегами носить отстраненный характер, а общая продуктивность страдать из-за более «быстрого» выполнения поставленных задач, как правило, без должного внимания в требования. В межличностных отношениях выявлена потребность в изоляции, которая будет проявляться в ограничении числа людей, с которыми специалист общался до этого. Также холодность в общении или наоборот частые вспышки агрессии или недовольства будут побуждать педагогов коррекционных учреждений к частому ощущению непонимания со стороны окружающих его людей.

Таким образом, полученная характеристика компонентов открывает возможность для составления программ коррекции и профилактики симптомов эмоционального выгорания как элемента профессиональной деформации у специалистов, работающих в коррекционных учреждениях. Данные программы рекомендуется разрабатывать на основе проведения точной диагностики проявлений эмоционального выгорания в профессиональной среде педагогов коррекционных учреждений.

Библиография

1. Белозерова Л.А., Сафукова Н.Н. Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации личности специалистов социономических профессий // Вектор науки Тольяттинского Государственного университета. Серия: педагогика, психология. 2014. № 2. С. 25-27.
2. Боянов В.С., Капустина Т.В. Эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации личности в контексте профессионального кризиса // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2020. № 10. С. 14-21.
3. Вакуленко М.В. Психологические факторы профессиональных деформаций педагогов // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: педагогика. Психология. 2017. №1. С. 37-41.
4. Давыдова Н.И. Особенности самореализации педагогов на разных стадиях эмоционального выгорания: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2019. 216 с.
5. Иванова А.В., Иванова О.А. Проблема эмоционального выгорания педагогов в условиях инклюзивного образования // Человек. Социум. Общество. 2020. № 5. С. 4-8.
6. Кадыров Р.В., Капустина Т.В., Максимович А.Б. Профессиональный стресс в деятельности специалистов Роспотребнадзора // Тихоокеанский медицинский журнал. 2017. № 2. С. 8-11. <https://doi.org/10.17238/PmJ1609-1175.2017.2.8-11>
7. Курленя В.А. Синдром эмоционального выгорания и деструктивные изменения личности педагога // Образование. Карьера. Общество. 2021. № 1 (68). С. 55-56.
8. Пачколина Е.Н. Факторы, детерминирующие эмоциональное выгорание педагогов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: психолого-педагогические науки. 2015. № 3. С. 180-186.
9. Самойлова И.В. Синдром эмоционального выгорания как форма профессиональной деформации педагогов // Ямальский вестник. 2020. № 1 (19). С. 46-48.
10. Хузиахметов А.Н., Насибуллов Р.Р., Яруллин И.Ф. Эмоциональное выгорание педагогов работающих в инклюзивных классах // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 5. С. 35-45.
11. Шамиева Н.С., Фархутдинова Л.В. Проблема эмоционального выгорания педагогов, работающих с детьми с расстройствами аутистического спектра // Наукосфера. 2021. № 12-2. С. 112-116.
12. Bianchi R., Manzano-Garcí, G., Rolland J.-P. Is burnout primarily linked to work-situated factors? A relative weight analytic study // Front. Psychol. 2021. Vol. 11. P. 3975. doi: 10.3389/fpsyg.2020.623912
13. Garwood J. D. Special Educator Burnout and Fidelity in Implementing Behavior Support Plans: A Call to Action // Journal of Emotional and Behavioral Disorders. 2023. Vol. 31(2), P. 84–96. <https://doi.org/10.1177/10634266221099242>
14. Granger K. L., Sutherland K. S., Conroy M. A., Dear E., Morse A. Teacher Burnout and Supporting Teachers of Students with Emotional and Behavioral Disorders. // Journal of Emotional and Behavioral Disorders. 2023. Vol. 31(2), P. 144-153. <https://doi.org/10.1177/10634266221149970>
15. Kariou A., Koutsimani P., Montgomery A., Lainidi O. Emotional Labor and Burnout among Teachers: A Systematic Review // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021, 18(23), 12760; <https://doi.org/10.3390/ijerph182312760>
16. Marques-Pinto A., Moreira S., Costa-Lopes R., Zózimo N., Vala J. Predictors of Burnout Among Physicians: Evidence From a National Study in Portugal // Frontiers in Psychology. 2021. Vol.12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.69997>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной к рецензированию рукописи выступает эмоциональное выгорание работников коррекционных образовательных учреждений, предметом же фактически – его факторы.

Тема имеет несомненную актуальность, поскольку эмоциональное выгорание снижает не только качество работы, но и выступает деформирующим фактором для личности самого педагога. Многофакторный анализ данного процесса содержит в себе элементы научной и методической новизны.

Статья носит ярко выраженный практический характер, основными методами исследовательской работы выступают эксперимент и анализ эмпирических данных в его процессе, при описании которого заслуживает внимания следующее.

- 1) Обоснованная выборка исследования.
- 2) Обоснованный отбор методологического инструментария.
- 3) Использование математических методов, подтверждающих валидность результатов.
- 4) Авторская интерпретация обработанных данных и содержательные выводы.

Перечень литературы полностью соответствует требованиям, заслуживает внимания наличие как отечественных, так и зарубежных источников. Список находит реальное отражение на страницах работы. Статья написана языком полностью соответствующим нормам научного стиля, насыщена профессиональной терминологией как общеметодологической, так и узкоспециализированной и, безусловно, вызовет интерес в первую очередь у психологов-практиков, а также у лиц, задействованных в системе коррекционного образования.

Принципиальные замечания по статье отсутствуют, потому что работа написана на высоком научном и методологическом уровне.

В порядке точечных замечаний исключительно рекомендательного характера отметим следующие.

«Психологическое сопровождение» лучше писать без кавычек, поскольку это устоявшееся научное выражение терминологического характера, в котором полностью отсутствует образность и элементы переноса значения.

Практическую часть лучше назвать не «Результаты исследования и их обсуждение», а, например, «Организация опытно-экспериментальной работы». Дело в том, что размещение такого заголовка сразу после обоснования актуальности выглядит не совсем логичным. В целом раздел «Результаты исследования и их обсуждение» традиционно содержит в себе понимание о том, чем именно с точки зрения результатов данная работа принципиально отличается от общего публикационного фона.

Несмотря на яркую практическую ориентированность работы, статья выиграла, если бы теория в ней не была сведена к минимуму, то есть фактически к обоснованию актуальности и перечислению фамилий, как это сделано в данном случае. Например, можно было бы выделить конкретные определения выгорания, данные теми или иными авторами.

Ещё раз подчеркнём, что все представленные замечания даны исключительно в порядке рекомендации и ни коим образом не отменяют понимания высокого качества проделанной работы.

Таким образом, представленная к рецензированию рукопись полностью соответствует как структурным, так и содержательным требованиям, предъявляемым к статьям по

психолого-педагогическому направлению и рекомендуется к публикации в рецензируемом журнале.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Канунников Р.И., Рябова М.Г. — Развитие профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел с различным локусом контроля // Психолог. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.3.38802 EDN: RTVZOM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38802

Развитие профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел с различным локусом контроля

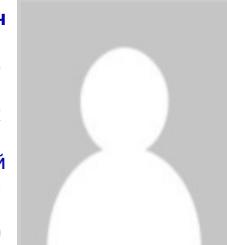
Канунников Роман Игоревич

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>

кандидат психологических наук

доцент, кафедра философии, психологии и гуманитарных дисциплин, Уральский юридический институт МВД России

640042, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 40 Лет Октября, д.46, кв. 49

roma.kanunnikov@inbox.ru

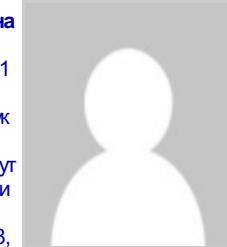
Рябова Мария Геннадьевна

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>

кандидат психологических наук

доцент, кафедра философии, психологии и гуманитарных дисциплин, Уральский юридический институт МВД России

620042, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Микр. Светлый, д.5, кв. 1228,

ryabina_mariya@mail.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.3.38802

EDN:

RTVZOM

Дата направления статьи в редакцию:

19-09-2022

Аннотация: В статье анализируется развитие профессиональной идентичности у сотрудников полиции с различным локусом контроля. Объект исследования: сотрудники органов внутренних дел. Предмет исследования: влияние локус контроля на развитие профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел. Актуальность исследования заключается в определении влияния локус контроля на развитие профессиональной идентичности у сотрудников правоохранительных органов.

Профессиональное развитие является ключевой проблемой в психологическом сопровождении личного состава МВД России. Авторами выявлено, что локус контроля имеет огромное значение в жизни сотрудников органов внутренних дел, так как он связан с развитием профессиональной идентичности. С помощью применения комплекса психодиагностических методик: «Личностная и социальная идентичность» (А.А. Урбанович), личностный опросник «Кто я» (М. Кун, К. Мак-Партленд), личностный опросник «Формальная и содержательная идентичность» (Е.В. Распопин, Е.А. Рыбъякова), тест «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттер, модификация Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинда) обосновывается наличие взаимосвязи между локусом контроля и профессиональной идентичностью у сотрудников правоохранительных органов. Доказано, что наиболее эффективным является средний уровень интернальности локуса контроля, способствующий профессиональной идентичности сотрудника правоохранительных органов. Обсуждается необходимость формирования профессиональной идентичности с учетом локуса контроля у сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова:

личность, интернальность, профессиональная идентичность, профессиональное развитие, локус контроля, экстерналы, ценностные ориентации, саморефлексия, служебный коллектив, интерналы

Введение

Особую значимость в современных исследованиях профессионального развития сотрудников правоохранительных органов приобретает изучение особенностей протекания и возможностей конструктивного преодоления ими кризиса профессиональной идентичности на всех этапах профессионального становления, так как развитие профессиональной идентичности сотрудника полиции.

В том случае, если профессиональные изменения в процессе профессионального становления носят негативный характер, то есть временно нарушают целостность личности профessionала, снижают ее устойчивость и адаптивные возможности в профессии, их следует рассматривать в качестве деструктивных тенденций данного процесса [3].

Исследованием профессиональной идентичности занимались такие ученые, как: И.А. Зимняя, Е.М. Иванова, Е.А. Климов, Н.И. Кузьмина, А.К. Маркова, Н.С. Пряжников, В.И. Слободчиков, К.В. Злоказов, Е.А. Климов, А.А. Реан, А.М. Реньш, В.И. Павленко, Л.Б. Шнейдер, К.Н. Гаврилова и др.

Очень часто выбирая профессию сотрудника правоохранительных органов, молодые люди не до конца осознают сущность служебной деятельности. В результате может возникнуть кризис профессиональной идентичности уже на первоначальном этапе, приводящий впоследствии к возникновению профессионального отчуждения [11].

Понимание понятия профессиональной идентичности не является однозначным. Так, Д.С. Безносов определяет профессиональную идентичность как результат процесса професионализации [1].

По мнению А.А. Реана, профессиональная идентичность – отождествление личностью

себя с представителями выбранной профессиональной группы, сопутствующее этому принятие системы профессиональных ценностных ориентаций, принятия или непринятия себя в качестве профессионала [\[9\]](#).

Профессиональная деятельность сотрудника полиции характеризуется ответственностью, неопределенностью, психическим и физическим напряжением, а зачастую и экстремальностью. Все это впоследствии может приводить к негативным социально-психологическим последствиям.

Как отмечает Е.П. Ермолаева, профессиональный «Я - образ» – это структурное образование, существующее в самосознании сотрудника правоохранительных органов. Этот образ позволяет дать оценку на соответствие профессиональной идентичности [\[4\]](#).

Профессиональная идентичность сотрудника органов внутренних дел позволяет оценить себя как профессионала, готового оказать помощь гражданам в сфере соблюдения их прав. В связи с этим, профессиональная идентичность сотрудников правоохранительных органов изучается с позиции интегративного психологического феномена, позволяющего оценить степень осознания профессионалом собственной компетентности, эффективности и личной влиятельности [\[10\]](#).

В исследованиях В.А. Шаповалы профессиональная идентичность изучается как интегративное качество личности, реализуемое как во внешнем и внутреннем плане. Во внешнем плане она опирается на ношение формы, выполнения строевых приемов, соблюдение устава и т.д. Внутренний план связан с личностно-смысловым характером выполнения профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел [\[12\]](#).

Профессиональная идентичность формирует представление у полицейских о своем месте в служебном коллективе. При этом складывается ценностно-мотивационная ориентация, которая способствует или наоборот мешает формированию профессиональной идентичности [\[2\]](#).

М.И. Марын отмечает, что развитие каких либо качеств личности сотрудника правоохранительных органов, либо способствует более эффективному выполнению служебной деятельности или же наоборот мешают. Самое интересное состоит в том, что не востребованные качества личности в ходе выполнения профессиональной деятельности и идентификации себя с другими сотрудниками не развиваются и даже могут быть утрачены [\[7\]](#).

Сотрудник полиции, в сложной или экстремальной ситуации может стремиться переложить ответственность на других людей или руководство. Это в большей степени зависит от формализации выполнения деятельности и локус контроля. В этом случае локус контроля отражает внутреннюю установку выбора стратегии поведения. Если же полицейский берет ответственность на себя за итоги своей и чужой деятельности, то это уже другой тип поведения. Исходя из предпочтений, выделяется экстернальный (внешний) и интернальный (внутренний) локус контроля [\[13\]](#).

Полицейские с экстернальным типом контроля, полагаются в сложной жизненной ситуации, как правило, на удачу. В результате не происходит накопление опыта, необходимого для успешного выполнения профессиональной деятельности, при этом такие сотрудники более успешны в командной работе.

Сотрудники полиции с интернальным типом контроля, считают, что их собственные

усилия привели к успешному результату. Сотрудники правоохранительных органов с интернальным типом контроля, подходят к ситуации более обдумано. Успешно решая сложную ситуацию, сотрудники полиции постепенно тем самым накапливают положительный опыт. Считается, что сотрудники правоохранительных органов с интернальным локусом контроля склонны к детальному анализу информации и более склонны к соблюдению социальных норм. Контроль за соблюдение социальных норм в этом случае, является осознанным решением, а не следствием конформизма.

Как считает А.А. Пчегатлук, локус контроля, имеет сложную иерархическую структуру, характеризующуюся определенным уровнем субъективизма. Суть такого контроля заключается в процессе профессиональной идентификации личности с профессиональной группой [8].

Поэтому тип локуса контроля является важной характеристикой личности сотрудника правоохранительных органов, способствующий успешному выполнению профессиональной деятельности и идентичности. Вместе с тем стоит отметить, что формирование локуса контроля осуществляется в течение всей жизни, то есть он подвержен изменениям и как правило, в чистом виде не встречается.

А.К. Дейнекина, отмечает, что очень часто может наблюдаться такая тенденция, что внешний и внутренний локус контроля у сотрудников правоохранительных органов могут взаимозаменяться в зависимости от обстоятельств. Так сотрудник полиции в быту может проявлять интернальный локус контроль, а в ходе выполнения служебной деятельности экстернальный или наоборот [5].

Способность анализировать помогает сотруднику полиции осознать и осмыслить значимость своей профессиональной деятельности, идентифицировать себя как представителя власти, несущего огромную ответственность за результаты своей работы.

Все это оказывает влияние на процесс адаптации при вхождении в профессию полицейского, помогает находить верное решение в сложных и экстремальных ситуациях, тем самым позволяя анализировать данные и накапливать опыт в профессиональной сфере [6].

Сотрудники органов внутренних дел с интернальным типом контроля более осмысленно подходят к выбору профессии и более ответственно подходят к выполнению задач служебной деятельности. Такой подход характерен и для «идентичных» сотрудников. Сотрудники полиции с интернальным типом контроля успешно прошедшие идентификацию обладают более сильной мотивацией к самореализации себя в профессиональной деятельности.

Таким образом, локус контроля играет значительную роль в жизни сотрудников органов внутренних дел, потому что влияет на восприятие мира в целом и связан с формированием профессиональной идентичности. Исходя из этого, можно предположить, что развитие профессиональной идентичности связано с типом локуса контроля.

Материалы и методы

Для проверки данного положения было проведено эмпирическое исследование. Объём выборки составил 102 человека (в возрасте 21-43 лет) из различных подразделений.

Для исследования были выбраны следующие психодиагностические методики: опросник «Личностная и социальная идентичность» (А.А. Урбанович), личностный опросник «Кто

я» (М. Кун, К. Мак-Партленд), личностный опросник «Формальная и содержательная идентичность» (Е.В. Распопин, Е.А. Рыбъякова), тест «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттер, модификация Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинда).

Результаты

Для определения нормальности распределения данных был использован одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова, согласно результатам которого можно говорить о распределении данных, отличном от нормального. В связи с этим были выбраны непараметрические критерии для дальнейшего анализа полученных данных.

Все испытуемые были разделены на три группы по степени выраженности интернального локуса контроля: интерналы (22 человека), экстерналы (23 человек) и испытуемые со средними показателями по шкалам (57 человек). Результаты сравнительного анализа между группами представлены в таблицах.

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей профессиональной идентичности между группами интерналов и экстерналов

Методика «Личностная и социальная идентичность»

Шкалы		И	Э	p
1	Работа	6,28	4,22	0,01
2	Материальное положение	4,23	3,55	-
3	Внутренний мир	6,86	6,36	-
4	Здоровье	8,74	5,04	0,05
5	Семья	8,81	9,96	-
6	Отношения с окружающими	8,46	8,54	-
7	Будущее	9,15	6,37	0,05
8	Я и общество	6,31	6,58	-

Методика «Кто я»

1	Демографические	1,42	1,48	-
2	Социальные	1,72	2	-
3	Профессиональные	3,5	2,17	-
4	Семейные	2,23	2,12	-
5	Характерологические	6,32	2,12	0,05
6	Метафоры	0,46	0,33	-

Методика «ФСИ»

1	Формальная сторона	21,15	39,29	0,05
2	Содержательная сторона	49,65	35,92	0,05

Наиболее значимые различия между группами интерналов и экстерналов были выявлены по следующим параметрам: идентичность личности по шкале «Работа» ($p \leq 0,01$), идентичность личности по шкале «Здоровье» ($p \leq 0,05$), характерологическая идентичность ($p \leq 0,05$), формальная сторона профессиональной идентичности ($p \leq 0,05$), содержательная сторона профессиональной идентичности ($p \leq 0,05$).

Сотрудники органов внутренних дел, верящие в то, что в их жизни всё зависит от собственных усилий и способностей, подходят к выполнению профессиональных обязанностей с позиции определённых смысложизненных ориентаций. Четко осознают свое место в профессиональном сообществе и готовы взять на себя ответственность за

последствия своих действий, и именно такая позиция выявлена у сотрудников с выраженной содержательной стороной профессиональной идентичности.

Таблица 2

Сравнительный анализ показателей профессиональной идентичности между группами интерналов и испытуемых со средними значениями локуса контроля

Методика «Личностная и социальная идентичность»

Шкалы		И	Ср	Э	Ср	p
1	Работа	6,52	7	4,54	5,44	-
2	Материальное положение	4,65	4,82	3,66	4,80	-
3	Внутренний мир	5,48	6,52	5,42	5,28	-
4	Здоровье	8,62	8,21	3,44	7,22	-
5	Семья	7,82	8,96	8,86	8,82	-
6	Отношения с окружающими	8,46	8,51	7,18	7,51	-
7	Будущее	9,15	7,08	5,37	6,07	0,05
8	Я и общество	6,31	6,36	5,52	5,32	-

Сотрудники полиции с экстернальным типом контроля, имеющие ориентацию на удачу, судьбу и другие внешние факторы, обуславливающие происходящие с ними события, не стремятся.

Методика «Кто я».

1	Демографические	1,38	1,77	1,67	1,77	-
2	Социальные	1,69	2,08	2,01	2,02	-
3	Профессиональные	3,5	5,46	2,15	2,11	0,05
4	Семейные	2,23	2,37	2,12	2,28	-
5	Характерологические	6,32	6,69	2,17	2,33	-
6	Метафоры	0,46	0,32	0,23	0,26	-

Методика «ФСИ»

1	Формальная сторона	21,15	26,11	39,29	26,11	0,05
2	Содержательная сторона	49,65	49,38	35,92	49,38	-

Значимые различия между группами экстерналов и испытуемых со средними значениями по шкале интернальности локуса контроля были выявлены по следующим параметрам: по шкале «Профессиональные» ($p \leq 0,05$), по шкале «Формальная сторона» ($p \leq 0,05$).

По данным, полученным в процессе сравнительного анализа, мы можем говорить о том, что интерналы и испытуемые со средними значениями интернальности локуса контроля более осознанно представляют свою профессиональную деятельность. Такие сотрудники знают свои функции и обязанности, а также наиболее четко и ясно осознают перспективы своей жизни в целом и профессиональной деятельности в частности, могут планировать и прогнозировать свои действия на более длительный срок, в отличие от экстерналов.

Помимо этого, как интерналы, так и испытуемые со средними значениями по шкале интернальности отличаются наличием внутренней, смысловой мотивации в профессиональной деятельности, что позволяет им наиболее ответственно подходить к выполнению профессиональных обязанностей и соблюдению норм поведения и этики сотрудников органов внутренних дел.

Результаты сравнительного анализа позволяют сделать вывод о том, что экстерналы более формальны в профессиональной деятельности, склонны к саморефлексии, выводы которой впоследствии не повышают уровень самосознания личности, а остаются фактами для самопрезентации. В данном случае отсутствует логическая связь между познанием себя и использованием этих знаний для самосовершенствования, что, безусловно, негативно сказывается на выполнении не только профессиональной, но и любой другой деятельности.

Сотрудники органов внутренних дел с интернальным типом переживают свои ошибки сильнее, чем сотрудники с экстернальным типом.

Наиболее конструктивным и экологичным для психического здоровья сотрудника органов внутренних дел будет именно средние значения интернальности. Такие сотрудники наиболее четко понимают и разделяют события, за которые несут ответственность персонально, и события, в которых ответственность разделяется между ними и другими людьми. При этом важным аспектом остается обучение дифференциации таких событий.

Следующим шагом было изучение корреляций между шкалами локуса контроля и профессиональной идентичности на всей выборке испытуемых.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа данных по Спирмену

Шкалы		Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из	Ио
Личностная и социальная идентичность	Работа	0,312	- 0,432	0,13	-0,24	0,26	0,12	0,442
	Материальное положение	- 0,532	-0,26	0,14	0,352	- 0,512	0,27	0,322
	Внутренний мир	-0,15	0,342	0,24	0,442	0,11	0,29	-0,24
	Здоровье	0,462	0,19	0,18	0,15	0,392	0,372	0,652
	Семья	0,26	-0,17	0,562	-0,07	0,352	0,27	0,25
	Отношения с окружающими	- 0,412	0,15	0,19	0,28	0,662	- 0,362	0,352
	Будущее	-0,18	- 0,432	0,16	- 0,362	0,382	0,42	0,352
Кто я	Я и общество	-0,16	0,13	0,29	0,52	0,492	0,342	-0,1
	Демографические	-0,12	- 0,372	-0,23	-0,1	- 0,392	-0,11	-0,26
	Социальные	- 0,392	0,29	0,22	0,372	0,42	-0,06	-0,1
	Профессиональные	0,342	-0,28	- 0,452	- 0,482	- 0,332	0,1	0,482
	Семейные	-0,26	-0,14	0,352	-0,07	-0,25	-0,2	-0,24
	Характерологические	0,04	-0,22	0,05	0,25	0,06	0,05	-0,07
ФСИ	Метафоры	0,17	0,07	-0,26	0,1	0,2	-0,16	0,17
	Формальная сторона	0,03	0,16	0,16	- 0,311	0,21	-0,42	- 0,482
	Содержательная сторона	0,372	0,452	0,352	0,62	0,22	0,52	0,392

Корреляционный анализ данных позволил взаимосвязь между содержательной стороной

профессиональной идентичности и общей интернальностью локуса контроля и интернальностью локуса контроля в сфере достижений, неудач, семьи, профессии, здоровья, что говорит о важной функции локализации контроля в процессе развития личности, в том числе в аспекте профессиональной деятельности.

В связи с этим они наиболее прагматично оценивают свои возможности

Сотрудники полиции с экстернальным типом контроля, как правило, не стремятся брать ответственность. Они хорошие исполнители, но не руководители.

Обсуждение результатов

При всей позитивной роли интернального локуса контроля в становлении и преобразовании профессиональной идентичности сотрудников правоохранительных органов, считаем необходимым отметить, что наиболее конструктивным вариантом, будут среднее значения интернальности. Это связано с тем, что сотрудник полиции, берущий на себя ответственность абсолютно за все события, происходящие в его жизни, в том числе и не зависящие от него (стихийные бедствия, аварии, погодные условия, реакции других людей и пр.), становится подвластен депрессивным состояниям. В то же время сотрудник правоохранительных органов с абсолютно экстернальным типом локуса контроля, не берущий ответственности даже за те события и действия, которые напрямую от него зависят, чаще всего склонен к тотальной безответственности, неисполнительности, попустительскому отношению к любой деятельности.

В таком случае средние значения интернальности локуса контроля позволяют личности экологично разделять ответственность между собой, другими людьми и обстоятельствами, сохраняя при этом своё психическое здоровье и душевное равновесие.

Анализ уровней развития профессиональной идентичности полицейских с различным локусом контроля показал, что испытуемые интерналы более полно идентифицируют себя с выбранной профессиональной группой, за ними по степени идентификации следуют испытуемые со средними показателями интернальности локуса контроля, наименьшими значениями идентификации обладают интерналы.

Несмотря на высокие показатели по шкалам идентичности у интерналов, важно понимать, что такая гиперболизированная интернальность и некритичное безразборное принятие на себя ответственности за все происходящее приводит к негативным последствиям. В отдельных случаях даже не зависящие от самой личности, а затем и невозможность влияния на обстоятельства, могут быть причиной самобичевания, самонаказания, а впоследствии и депрессивных состояний сотрудника с риском развития психических расстройств.

Выводы

Таким образом, в результате исследования выявлено, что наиболее конструктивным и экологичным для психического здоровья сотрудника органов внутренних дел будет именно средний уровень интернальности локуса контроля. При таком уровне интернальности сотрудник полиции понимает и четко разделяет события, за которые несет ответственность персонально, и события, в которых ответственность разделяется между ним и другими людьми, либо не относится к нему вообще. Полученные результаты позволяют практическим психологам органов внутренних дел более эффективно проводить работу по формированию профессиональной идентичности, что в конечном итоге будет

способствовать предотвращению профессиональной деформации.

Библиография

1. Безносов С. П. Профессиональная деформация личности. /С.П. Безносов –СПб.: Речь, 2008.–371 с.
2. Гаврилова К.Н., Кузнецова О.Е. Особенности профессиональной идентичности у сотрудников ОВД первого года службы // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»URL:<https://scienceforum.ru/2021/article/2018025106> (дата обращения: 17.05.2022).
3. Гончарук А.Г., Грязнова Е.В. Проблема определения «профессиональная идентичность» в психологии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – №3(28). – С. 323–325.
4. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая). // Психологический журнал – Т. 22, № 4.–2017. –С. 51 – 59.
5. Дейнекина А.К. Особенности локус контроля сотрудников ОВД на разных этапах профессионализации // Общество, политика, экономика, право. – 2011. – №3. С.157 – 159.
6. Злоказов К.В. особенности профессиональной идентичности курсантов в связи с деструктивностью личности // Педагогическое образование в России: научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 106–112.
7. Марьин М.И., Бочка А.А. Психологические особенности сотрудников органов внутренних дел, склонных к противоправному поведению. Прикладная юридическая психология.– № 3, 2014.–С. 47–53.
8. Пчегатлук А.А. Локус контроля в современной психологии / А.А. Пчегатлук // Международный студенческий научный вестник. № 5 (2). –2015. –С. 272 – 275.
9. Реан А.А. Правосознание, правовое воспитание и социальные установки личности. // Государственная служба и кадры, № 2, –2016.–С. 208–212.
10. Реньш М.А. Профессиональный стаж как фактор становления профессиональной идентичности // Психологические исследования. – 2011. – №3. – С. 34–39.
11. Симонова В.С. Особенности профессиональной идентичности курсантов вузов МВД России в зависимости от уровня профессиональной адаптации. // Молодой ученый. – 2016. – № 5 (109). – С. 640–643. –URL: <https://moluch.ru/archive/109/26630/> (дата обращения: 17.05.2022).
12. Шаповал В.А. Профессиональная идентичность сотрудников ОВД: система оценки, прогнозирования и мониторинга в контексте психодинамического подхода. – Монография. – Санкт-Петербург: СПб Университет МВД России, 2012. – 142 с.
13. Шумянцова О.В., Евсеев Л.Л. Влияние локуса контроля на профессиональную деятельность в особых условиях // Курсантские исследования. Сборник научных трудов Могилевского института МВД№ 3–2018.– С.120–121.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной работе является профессиональная

идентичность сотрудников МВД, предмет исследования – особенности её развития у профессионалов с различным локусом контроля.

Работа выполнена в строгом соответствии с классической методологией практических исследований, где от обзорного анализа теории исследуемого понятия автор переходит к практическому эксперименту. Экспериментальная часть выполнена в соответствии с общими требованиями. Результаты представлены в удобном для восприятия табличном виде.

Актуальность исследования несомненна, поскольку полицейская служба относится к виду деятельности, которой человек за исключением аномальных сценариев занимается всю жизнь. В этой связи отмечаемый автором факт о том, что «очень часто выбирая профессию сотрудника правоохранительных органов, молодые люди не до конца осознают сущность служебной деятельности» действительно является существенной психолого-педагогической проблемой, и содержит предпосылки для серьезных противоречий как личностного, так и социального, и психологического характера в процессе жизненного пути полицейского не только как профессионала, но и в целом как человека.

Заслуживает внимания подробная трактовка результатов автором, которая выражается не только в числовом, но и в текстово-повествовательном плане. Так читатель вовлекается в эксперимент в значительно большей степени. В целом отметим, что работа, несомненно, вызовет интерес у психологов-практиков, а также у сотрудников МВД, сталкивающихся на практике с описанными проблемами в психолого-педагогической служебной деятельности.

Несмотря на то, что проблема профессиональной идентичности является, вероятно, едва ли не самой исследуемой в профессиональной психологии, локальная привязка данной проблематики к узкоспециализированному понятию «локус контроля» является оригинальной задумкой и позволяет говорить о наличии элементов научной новизны в работе.

Библиографический список полностью соответствует содержанию работы, ссылки находят реальное смысловое отражение в ее тексте.

С языковой точки зрения текст характеризуется высоким уровнем конкретики, точности и содержательной ёмкости, что особенно значимо для научной работы. Так он полностью соответствует нормам научного стиля. В работе отсутствуют малосодержательные абзацы и банальные общие фразы.

Однако в тексте обнаружены языковые погрешности, которые следует исправить.

«так как развитие профессиональной идентичности сотрудника полиции.(?) – предложение, вероятно, оборвано или не согласовано.

В тексте имеют место явные случаи тавтологии, эти фразы нужно переформулировать «Понимание понятия», «Все это впоследствии может приводить к последствиям».

«Сотрудник полиции, в сложной или экстремальной ситуации может...», «Сотрудники правоохранительных органов с внутренним типом контроля, подходят к ситуации более обдумано» - лишние запятые.

«Это в большей степени зависит от формализации выполнения деятельности и локус (!) контроля» - несогласованность падежа.

«что формирование локус(!) контроля осуществляется в течение всей жизни, то есть он подвержен изменениям и (!) как правило, в чистом виде не встречается» – не хватает запятой, имеется несогласованность падежа.

В целом несогласование слова «локус» происходит систематически, хотя по правилам русского языка оно должно склоняться. Если «локус контроль» мыслится как единое понятие (а именно слово «локус» является несогласованным определением слова «контроль» т.е. приложением), то это должно писаться через дефис «локус-контроль».

В теоретической части статье отсутствует трактовка понятия «локус контроля», анализ соотношения внутреннего и внешнего локуса. Фактически оно вводится остаточно со ссылкой на статью Пчегатлук А.А., которая была опубликована в студенческом издании. Это явная методическая недоработка. Такие статьи вполне могут быть частью библиографии, но основывать исследование нужно на трудах профессиональных учёных, изданных в более авторитетных журналах, монографиях, диссертациях и пр..

В практической части отсутствует обоснование выборки. В целом выбор участников от 21 до 43 лет весьма спорен с методологической точки зрения в виду своей возрастной, социальной, да и служебной неоднородности. Так работа выиграла, если бы автор раскрыл методологическую задумку более подробно. Аналогично можно сказать об отсутствии конкретизации подразделений. Дело в том, что специфика конкретных служебных задач имеет самое прямое отношение к теме статьи, поэтому было бы желательно раскрыть этот аспект выборки подробнее.

Рекомендуется расширить параграф с выводами. Фактически вывод сделан только один, хотя в статье достаточно содержательного и интересного материала для формирования классических 3-4 выводов. Например, можно сделать выводы по теоретической части, а также методологический вывод об эффективности используемого инструментария.

Указанные замечания носят рекомендательный характер и не отменяют того факта, что текст работы (за исключением языковых погрешностей) как с методологической, так и со структурно-содержательной стороны соответствует основным требованиям, предъявляемым к публикациям по психолого-педагогическому направлению, и может быть опубликован в рецензируемом журнале после вычитки и корректировки последних.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Гельман В.Я. — О компенсации влияния развития информационно-коммуникационных технологий на когнитивные функции // Психолог. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.3.38980 EDN: RTWADI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38980

О компенсации влияния развития информационно-коммуникационных технологий на когнитивные функции

Гельман Виктор Яковлевич

доктор технических наук

профессор, "Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова"
Минздрава РФ

191015, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Кирочная, 41

✉ gelm@sg2104.spb.edu

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.3.38980

EDN:

RTWADI

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2022

Аннотация: В настоящее время в мире происходят серьезные технологические изменения и особенно быстро в области информационно-коммуникационных технологий. Эти изменения оказывают существенное воздействие на все сферы жизни и деятельности людей. Предметом исследования настоящей статьи является влияние развития информационно-коммуникационных технологий на когнитивные функции человека. Подробно рассматриваются воздействия интернета, смартфонов, социальных сетей, калькуляторов, работы с клавиатурой, снижения объема неэлектронного чтения. Особое внимание уделяется ослаблению вербально-логической памяти, возникновению «цифровой деменции», ухудшению аналитического и логического мышления, появлению клипового мышления, снижению коммуникационных способностей и осложнению принятия текущих решений. Для компенсации снижения рассмотренных когнитивных функций, вызванного развитием информационно-коммуникационных технологий, предложен ряд возможных подходов. Показано, что необходимая коррекция может быть осуществлена тренировкой ослабевающих функций с помощью специальной когнитивной гимнастики: подходящих интеллектуальных игр, определенных упражнений. Система компенсирующих занятий, включающая развивающие игры и специальные упражнения,

может быть объединена в учебную дисциплину под условным названием «интеллектуальная культура» (по аналогии с физической культурой). Отмечена также необходимость обеспечения достаточно высокого уровня базовых знаний. Кроме того, предложено провести корректировку системы образования для нейтрализации наблюдающихся негативных тенденций.

Ключевые слова:

когнитивные функции, информационно-коммуникационные технологии, влияние, память, клиповое мышление, коммуникационные способности, принятие решений, компенсация, развивающие игры, специальные упражнения

Введение

В последние десятилетия в мире происходят серьезные структурные сдвиги, обусловленные новыми фазами технологического прогресса и открывающими новые возможности для деятельности человека. С развитием технологий не только на рынке труда появляется множество мест, напрямую связанных с компьютерами, роботами и искусственным интеллектом, но и в повседневной жизни каждому человеку приходится сталкиваться с этими технологиями и устройствами. Так что людям необходимо учиться взаимодействовать с ними подобно тому, как они должны были учиться взаимодействовать с телефонами, автомобилями и другими новыми устройствами и механизмами.

В ходе происходящих изменений у человека появляются не только новые возможности, но и новые навыки [1]. При этом постепенно угасают и отмирают прежние навыки, умения, компетенции, знания, в которых отпала необходимость. Так происходило в процессе технологического развития: с появлением станков, железных дорог, автомобилей и прочего. Предыдущие умения постепенно отмирали.

Со многими умениями были связаны определенные физиологические и когнитивные функции, которые от снижения частоты использования стали угасать, атрофироваться. Например, с заменой физического труда различными механизмами стало ухудшаться физическое развитие человека. Для компенсации этого возникла необходимость в дополнительных физических нагрузках, стала развиваться физкультура. Аналогичная ситуация складывается с облегчением интеллектуальной деятельности человека с помощью компьютерных технологий [2].

В настоящее время технологические изменения стали происходить особенно быстро, в частности, в области информационно-коммуникационных технологий. Возможности человека (по скорости обучения, восприятию информации) практически не изменились, а возник большой объем новой информации, требующий значительных усилий, затрат времени на освоение нового, соответственно, многое из старого уже не воспринимается, оттесняется.

Это приводит к достаточно быстрым изменениям в используемых навыках [1] и к постепенному отмиранию устаревающих умений, в частности, изменений в мышлении [3], когнитивных функциях. Впоследствии это может приводить к возникновению проблем, когда соответствующих технологий не оказывается под рукой, а прежних навыков уже нет. Примером является случай аварийной посадки самолета, когда молния отключила

автопилот, а пилоты уже не имели достаточной квалификации, чтобы успешно посадить самолет вручную [4].

Предметом исследования настоящей статьи является влияние развития информационно-коммуникационных технологий на когнитивные функции человека.

Когнитивными (познавательными) функциями принято называть функции головного мозга, с помощью которых осуществляется процесс рационального познания мира и обеспечивается целенаправленное взаимодействие с ним, а именно: восприятие информации; обработка и анализ информации; запоминание и хранение; обмен информацией, построение и осуществление программы действий [5]. Более конкретно, когнитивные функции — это память, речь, умение концентрировать внимание, узнавать объекты (взглядом, на слух, на ощупь); умение совершать целенаправленные движения. Снижение когнитивных функций по сравнению с исходным уровнем (нормой) является когнитивными нарушениями [6].

Еще в начале века было обнаружено, что все больше подростков, представителей цифрового поколения, страдают потерей памяти, расстройством внимания, когнитивными нарушениями, подавленностью и депрессией, низким уровнем самоконтроля [7, 8]. В настоящее время эти процессы продолжают активно развиваться. Поэтому исследование влияния информационно-коммуникационных технологий на когнитивные функции и определение возможных путей нейтрализации негативных последствий этого влияния представляются актуальными.

Целью настоящей статьи является анализ некоторых когнитивных нарушений, вызванных развитием информационно-коммуникационных технологий, и рассмотрение возможных способов их компенсации.

Методологической основой исследования являлись анализ научных публикаций и обобщенный практический опыт при выявлении основных тенденций и проблем, возникающих при когнитивных нарушениях, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий.

Результаты и обсуждение

Влияние компьютерных технологий на изменения когнитивных функций. Рассмотрим наиболее часто отмечаемые тенденции снижения когнитивных способностей человека вследствие развития компьютерных технологий.

Часто обращалось внимание [9], что вследствие развития интернета и телевидения уменьшается объем неэлектронного чтения, снижается количество прочитанных человеком книг, что приводит к ослаблению взаимодействий между вербально-логическим и образным мышлением. Человек, предпочитая видеоряд, хуже распознает текст, хуже формулирует свои мысли.

Неоднократно указывалось [10], что с широко распространившимся использованием калькуляторов резко снизилось умение считать в уме, которое требует хорошего развития определенных когнитивных функций, в частности, памяти, аналитического и логического мышления.

Кроме того, сейчас становится привычкой искать любую информацию в сети. Всего пара кликов и открывается вся информация мира, любые знания. Не нужно помнить дату аusterлицкого сражения или кто такой Киса Воробьянинов. Но привычка использовать

сеть для ответа на каждый вопрос делает мозг менее тренированным, ухудшает вербально-логическую память [\[11\]](#).

В настоящее время с памятью — краткосрочной, долгосрочной — у многих людей возникают проблемы, потому что в широком доступе имеется любая информация и, соответственно, любые тексты. Для наблюдаемого ухудшения памяти имеется множество причин: раньше в голове приходилось держать дни рождения близких, номера телефонов, адреса и множество другой информации. Сейчас все данные хранятся в смартфоне, компьютере, они же напоминают нам о важных событиях.

Сообщения-презентации, лекции-презентации, сопровождаемые показом слайдов, также снимают необходимость для докладчика запоминания большого объема материала, детренируя его память.

Все это приводит к ослаблению памяти. Кроме определенного функционального нарушения, значительное ослабление памяти («цифровая деменция»), может приводить к раннему возникновению заболеваний пожилого возраста (деменции, болезни Альцгеймера) [\[12, 13\]](#).

В настоящее время также становится привычкой постоянно просматривать ленту в социальных сетях. Лайки, репосты, листание ленты заставляет человека меньше концентрировать внимание, быстро переключаться и легко ориентироваться в разрозненных фрагментах информации. Со временем мозг отвыкает быть сосредоточенным на одной задаче. Порожденная цифровыми технологиями многозадачность, влияет на когнитивные способности человека. Вырабатывается клиповое мышление, поверхностный стиль мышления [\[14\]](#). Нет анализа текущей информации и выхода на возможные результаты действий. Формирующаяся привычка неглубокого анализа поступающей информации часто не позволяет выявить истинные причины и следствия, затрудняет критическое мышление.

Частые push-уведомления (звуковые сигналы смартфона), также способствуют развитию клипового мышления.

При клиповом мышлении из-за высокой скорости поступления информации и недостатка времени на ее осмысление и/или из-за отсутствия выработанной привычки, нет глубокой обработки информации, не создаются последовательные логические цепочки. Человек не может собрать в единое целое разрозненные факты, его мышление — клиповое. При этом, вследствие быстроты изменений, человек не успевает загружать информацию из рабочей (кратковременной) памяти в долговременную, и она стирается, пропадает [\[15\]](#). В результате вырабатывается стиль мышления с усложнением перехода из рабочей памяти в долговременную. Пример, забывание появившихся и не записанных мыслей, соображений, намерений, особенно перебитыми внешними воздействиями, например, звуковыми сигналами смартфона.

Кроме того, длительное нахождение в социальных сетях, общение в них формирует поверхностные контакты, недостаточные для успешной социализации. Снижаются коммуникационные способности человека в обычной жизни: хуже распознаются эмоции, язык тела [\[16-18\]](#).

Отмечается также [\[19\]](#), что постоянная работа с клавиатурой компьютера приводит к изменениям мелкой моторики и ухудшению почерка.

Наконец, происходит снижение уровня долговременных базовых знаний: все можно найти в интернете [20]. Недостаток базовых знаний может приводить к аберрации восприятия, неточности суждений, нелогичным интерпретациям и/или к иррациональности в поведении в широком смысле слова, когда надо принимать текущие, сиюминутные решения в отсутствие интернета при низком уровне базовых знаний (недостатке информации) и в целом к неадекватности мышления.

Возможные способы компенсации ухудшающихся функций и навыков. Естественно, возникает необходимость в развитии и поддержании угасающих когнитивных функций и навыков. Мозг, как и мышцы, нуждается в тренировке – а точнее сказать, в этом нуждаются нейронные связи. Нейронные связи по разным причинам, в частности, по указанным выше, либо могут недостаточно развиться, либо могут ослабевать и деградировать, поэтому возникает задача поддерживать их и тренировать. Адекватным вариантом будет специальная гимнастика для мозга или когнитивная гимнастика, нейрогимнастика [21].

Это может быть осуществлено с помощью подходящих интеллектуальных игр, таких как шахматы, шашки и аналогичных, специальных упражнений.

Игра является способом развития мозга, его тренировки и загрузки (заполнения нагрузкой (работой) при отсутствии или недостатке естественной) [22]. Например, шахматы развивают склонность к анализу ситуации, многовариантное мышление, логическое многошаговое мышление, что позволяет бороться с клиповым мышлением.

Специальные упражнения также способствуют развитию и тренировке определенных когнитивных функций. Например, решение в уме арифметических задач позволит сохранить способность к устному счету. Эффективными упражнениями для тренировки мозга также могут быть: разгадывание кроссвордов, головоломок или судоку, чтение, письмо от руки, выполнение привычных действий другой рукой.

Считается [23], что запоминание наизусть и вообще изучение новой информации помогает сохранять и поддерживать память. Для развития и сохранения памяти полезно учить стихи наизусть. Это ценное упражнение, развивающее мозг. Полезно также искать информацию в бумажных источниках, записывать значимые даты и заучивать номера телефонов.

Гимнастика для мозга способствует развитию связей между клетками головного мозга, что приводит к увеличению его пластичности. При этом у человека может восстанавливаться или сохраняться функциональная способность и не страдают когнитивные функции, то есть внимание, память и ряд других. Таким образом, гимнастика для мозга – это важный фактор увеличения пластичности мозга и сохранения когнитивных функций.

Система компенсирующих занятий, включающая развивающие игры и специальные упражнения, может быть объединена в учебную дисциплину под условным названием «интеллектуальная культура» (по аналогии с физической культурой).

Формирование базовых знаний. Кроме компенсирующих занятий (гимнастики для мозга), необходимо обеспечивать определенный уровень базовых знаний (физика, химия, математика, история и другие фундаментальные школьные дисциплины) для избавления от постоянной зависимости от интернета даже в простейших случаях и обеспечения возможности принимать текущие решения и делать обоснованные выводы.

Базовые знания формируются у человека с самого детства – закладываются семьей, школой (преимущественно) и получают дальнейшее развитие в вузе. Сюда же относится и жизненный опыт, который накапливается в ходе практической деятельности. Эти знания впоследствии человек использует в течение всей своей жизни.

В связи с облегчением доступа к информации в интернете, возникает проблема объема базовых знаний. Конечно, в настоящее время все можно узнать в интернете, посчитать на калькуляторе. Однако, существует некий минимально необходимый объем базовых знаний. Нельзя все время рассчитывать на калькулятор и интернет. Обычно текущие решения принимаются на основании качественных оценок и имеющихся собственных знаний. Для этого и нужен набор базовых знаний: если говорим о поездках в Ригу и в Реутов, следует понимать без интернета, что это не аналогичные поездки. Существует некий базовый инвариант системообразующих знаний, без которого человек не может быть элементарно грамотным членом общества.

При этом организация знаний должна осуществляться так, чтобы они находились в системе, будучи объединены причинно-следственными связями между явлениями, обеспечивая знание общих закономерностей и принципов устройства мира («знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов» К. А. Гельвеций).

Влияние развития информационных технологий приводит к появлению возможности снижения степени детализации базовых знаний, и, соответственно, необходимости повышения уровня их взаимосвязи и взаимодействия с внешними источниками информации [20].

Таким образом, базовая умозрительная модель должна обеспечивать знание общих закономерностей и принципов в устройстве окружающего мира, позволяя при необходимости осуществлять требуемую детализацию.

Необходимость коррекции системы образования. Изменения, происходящие благодаря новым технологиям, в том числе и в когнитивных функциях человека, приводят к необходимости коррекции работы системы образования. Представляется, что необходимо сделать в образовании дополнительный акцент на развитии качеств, которые ослабляются у людей в связи с современным технологическим прогрессом.

Можно полагать, что учащимся, наряду с современными аспектами обучения: информационной грамотностью, технической грамотностью и гуманитарной грамотностью, нужно будет обеспечивать достаточно полный систематизированный объем классических, базовых основ грамотности и эрудиции, добавив сюда еще одну дисциплину, которую можно определить как интеллектуальную культуру, и которая обеспечит сохранение высокого уровня когнитивных функций для обучаемых.

Заключение

В статье проведен анализ нарушения некоторых когнитивных функций, вызванного развитием информационно-коммуникационных технологий и рассмотрены возможные способы его компенсации. Указывается на снижение вербально-логической памяти, изменение формы и глубины мышления и ряд других нарушений. Показано, что необходимая коррекция может быть осуществлена тренировкой ослабевающих функций с помощью подходящих интеллектуальных игр, специальных упражнений, а также обеспечением достаточно высокого уровня базовых знаний. Кроме того, предлагается провести корректировку системы образования для нейтрализации наблюдающихся тенденций.

Библиография

1. Гельман В. Я. Формирование системы профессиональных стереотипов у студентов вуза // Alma mater. 2022. № 2. С. 35-41. DOI: 10.20339/AM.02-22.035
2. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета / пер. С англ. Б. Козловского. М. : Колибри: Азбука-Аттикус, 2011. 352 с.
3. Боброва Л. А. Компьютер, интернет и мышление: изменение мышления под влиянием современных технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2019. С. 72-80
4. Предварительный отчёт по результатам расследования катастрофы самолёта RRJ-95B RA-89098 / Межгосударственный авиационный комитет. 2019. 104 с.
5. Аведисова А. С., Файзуллоев А. Ф. Когнитивные функции и методы их изучения // Российский психиатрический журнал. 2003. № 1. С. 16-20.
6. Захаров В. В. Ведение пациентов с когнитивными нарушениями // Русский медицинский журнал. 2007. № 6. С. 510-515.
7. Абдуллин А. Г., Лихолетов В. В., Караваев А. Ф. «Спасательный круг» профилактики ухудшения здоровья молодежи в эпоху цифровой трансформации образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 2(89). С. 173-188. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-289-173-188>
8. Greenfield S., Change M. How digital technologies are leaving their marks on our brains». Random House, 2014. 384 p.
9. Морозова Т.В. Почему современная молодежь так мало читает. / В сб.: Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом. Новосибирск. 2016. С. 35-40.
10. Вершловский С. Г., Матюшкина М. Д. Функциональная грамотность выпускников школ // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 140-144.
11. Loh K. K., Kanai R. How has the Internet reshaped human cognition? Neuroscientist. 2016 Oct;22(5):506-520. doi: 10.1177/1073858415595005.
12. Шуляк А. С. Компьютер и здоровье // Смоленский медицинский альманах. 2015. Выпуск № 3. С. 120-122.
13. Baek I. H., Park E. J. 'Digital dementia' is on the rise. Korea JoongAng Daily. June 24, 2013. <http://korea.joongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid%2973527>. Accessed October 12, 2022.
14. Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. №. 2. С. 169-176.
15. Дмитриева Е. С., Гельман В. Я., Зайцева К. А., Ланько С. В.. Возрастные особенности взаимосвязи успешности обучения и характеристик слуховой оперативной памяти. Журнал высшей нервной деятельности. 2007. Том 57. № 3. С. 279-286.
16. Смирнова О. М. Цифровая эпоха и виртуализация сознания // Проблемы и риски инженерного образования в ХХI в.: Монография / Под общ. ред. И.А. Герасимовой. М.: Университетская книга, 2017. С. 76-109.
17. Гельман В. Я., Дмитриева Е. С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта обучаемых с восприятием неверbalной информации // Психология обучения. 2017. № 11. С. 28-38.
18. Дмитриева Е. С., Гельман В. Я., Зайцева К. А., Орлов А. М. Зависимость восприятия эмоциональной информации речи от акустических параметров стимула у детей разного возраста // Физиология человека. 2008. Т. 34. № 4. С. 149-153.

19. Веневцева Ю. Л., Путилин Л. В. Гендерные особенности почерка и их взаимосвязь с вегетативным и психофизиологическим статусом у студентов медицинского института // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2018. Т. 12. №. 6. С. 165-168.
20. Гельман В. Я. О тенденциях в формировании базовых знаний у студентов // Alma mater. 2020. № 8. С. 23-27. DOI: 10.20339/AM.08-20.023
21. Носкова И. С. Когнитивная гимнастика // Медицинская сестра. 2017. №. 5. С. 22-25.
22. Гельман В. Я. Использование игрового подхода в преподавании общепрофессиональных дисциплин // Проблемы современного образования. 2020. № 3. С. 154-161. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-3-154-161
23. Колякова Н. В. Развитие памяти у младших школьников // Итоги научно-исследовательской деятельности 2017: изобретения, методики, инновации. 2017. С. 452-453.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В данной статье автор не уделил внимания обоснованию актуальности своего исследования. Во введение в произвольной форме приведены сведения общего характера о том, что в последние десятилетия в мире происходят серьезные структурные сдвиги, обусловленные новыми фазами технологического прогресса и открывающими новые возможности для деятельности человека и т.п. Но совершенно отсутствуют акценты на тему исследования: «О компенсации влияния развития информационно-коммуникационных технологий на когнитивные функции». Такая формулировка темы очень непонятна и некорректна по смыслу. Такая постановка темы с отсутствием формулировки предмета исследования в тексте делает обоснование его актуальности невозможным. Это и наблюдается в данном случае. Поэтому необходима доработка.

Поскольку тема статьи сформулирована некорректно, автору не удалось показать также и новизну исследования, и его методологию. Без таких атрибутов, как предмет исследования, его методология и новизна текст, как правило, воспринимается бессистемным и беспредметным образом, что и наблюдается в данном случае.

Автор пишет, что целью настоящей статьи является анализ ослабления.... и рассмотрение возможных способов его компенсации.

Имеется в виду ослабление некоторых когнитивных функций, вызванное развитием информационно-коммуникационными технологиями.

Тоже явно некорректная формулировка цели исследования. Непонятно, какое ослабление имеет в виду автор. Если бы была формулировка предмета, то, очевидно, что под ним автор как раз и имеет в виду какое-то ослабление. Автор, что такое ослабление? Это процесс, имеются в виду какие-то причины? Что имеется в виду под ослаблением? Необходима конкретизация понятий и формулировок.

Стиль изложения текста реферативный и пока достаточно примитивный. Автор пишет о каком-то огне, луках, стрелах, воде, детях и т.п. Зачем все это? Например, «когда-то человек мог тренированием получать огонь, охотиться с луком и стрелами», «важно, чтобы вместе с водой не выплынула и ребенок» и т.п. Имеются примитивные и голословные утверждения о том, что «с заменой физического труда различными механизмами стало ухудшаться физическое развитие человека».

Структура работы не соответствует общепринятым нормам изложения научного текста.

Произвольно введены рубрики:

- Влияние компьютерных технологий на изменения когнитивных функций.
- Возможные способы компенсации ухудшающихся функций и навыков.
- Формирование базовых знаний.
- Необходимость коррекции системы образования.

Из-за неправильной структуры статьи, ее содержание представлено непоследовательно и нелогично.

Например, автор пишет об ослаблении когнитивных функций, но конкретно никакие из них не приводит и поэтому непонятно, какие функции имеются в виду. Если речь идет о научной публикации, то следует стремиться к критериям научности. Но в данном случае этого нет и очевидны общие рассуждения обо всем, что может иметь отношение к заявленной тематике вообще. Необходима конкретизация.

Автор пишет, что «когнитивными (познавательными) функциями принято называть наиболее сложные функции головного мозга». В нейропсихологическом отношении все функции сложные. Выделение каки-либо в виде наиболее или наименее совершенно неправильно. Если даже автор ссылается на литературные источники, это не аргумент доказательства. Литературные источники необходимо анализировать критическим образом. Это обязательный критерий научности текста.

Кстати об источниках. Некоторые из них к психологии никакого отношения не имеют и поэтому должны быть заменены. Ссылку на Википедию также целесообразно заменить. Это не научный источник.

В тексте имеются утверждения, которые неубедительны. Например, «Еще в начале века было обнаружено, что все больше подростков, представителей цифрового поколения, страдают потерей памяти, расстройством внимания, когнитивными нарушениями, подавленностью и депрессией, низким уровнем самоконтроля». В данном случае имеется ссылка на источник, но в таком случае необходимо выразить свое отношение к чужому утверждению.

Такого рода утверждений немало по тексту. И в заключение автор пишет, что «изменения, происходящие благодаря новым технологиям, в том числе и в когнитивных функциях человека, приводят к необходимости коррекции работы образовательной системы. Представляется, что необходимо сделать в образовании дополнительный акцент на развитии качеств, которые ослабляются у людей в связи с современным технологическим прогрессом». Дело в том, что в стране не «образовательная система», а система образования. И эта система образования и так постоянно находится в состоянии коррекции.

Таким образом, в данной статье имеется много недостатков. Но все они устранимы, если тексту уделить должное внимание. Поэтому можно порекомендовать автору текст доработать с учетом предлагаемых замечаний. После доработки текста, статья может быть рекомендована к опубликованию, поскольку проблема когнитивных расстройств, как правило, у читающей аудитории вызывает большой интерес.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом предлагаемого исследования выступают когнитивные функции, а предметом – влияние информационных технологий на последние.

Актуальность исследования несомненна, поскольку широко известен факт, что любая технология (группа технологий) имеет как позитивные, так и побочные эффекты.

Цифровые коммуникативные технологии ни в коем случае не являются исключением. Социальные наблюдения показывают, что погружение людьми в цифровой мир всё чаще носит гипертрофированный характер с рисками отрицательного влияния на развитие личности. Тем не менее, про отрицательные эффекты цифровых технологий по-прежнему говорится сравнительно мало. В этот смысле вектор, заданный автором, предполагает реальную проблемность. Последняя усиливается ещё и потому, что в работе описываются аспекты, относящиеся по сути к повседневной жизнедеятельности каждого человека, так статья может вызвать интерес у широкого круга читателей. Вкупе это позволяет говорить об элементах научной новизны.

Методология исследования предполагает использование комплексного теоретического психолого-педагогического анализа дедуктивного характера. Это на 100% педагогический, а не психологический подход. Элементы практического исследования в работе отсутствует, поэтому в психологическом журнале она подходит для педагогической рубрики.

С языковой точки зрения текст выполнен с соблюдением общих норм научного стиля, но с очевидным уклоном в публицистический. Так можно говорить о научно-популярном характере текста, что скорее хорошо для журнального жанра. В тексте явно прослеживается общение автора с читателем.

Перечень литературы соответствует требованиям, хотя, по нашему мнению, подобная тематика предполагает насыщение его новейшими источниками, а именно работами 2020-х годов

К замечаниям по статье можно отнести следующие.

В статье отсутствует теоретическая часть в традиционном понимании – автор сразу переходит к дедуктивному анализу. Вероятнее всего, в работе такого рода теоретическая часть должна описывать основные коммуникативные условия, вызванные сменой технологий, а также значимые когнитивные качества, на которые они влияют. Разумеется, необходим и анализ точек зрения авторов или, по крайней мере, обзор исследований.

Во введении автор постоянно отмечает устаревающие навыки в контексте прогресса, однако, желательно привести перечень конкретных примеров таких навыков применительно именно к информационным технологиям. Эта информация прослеживается в тексте работы, но научный жанр предполагает несколько большую строгость в изложении.

Заключение выполнено не в соответствии с общепринятыми требованиями. В нём должны быть изложены содержательные тезисные выводы, а не общие фразы, фактически повторяющие цель статьи.

Всё изложенное выше позволяет говорить о том, что рукопись скорее напоминает тезисы конференции, нежели статью для журнала. Об этом же говорит и объём – 14 тысяч знаков, как правило, статьи по гуманитарным наукам содержат хотя бы 20 тысяч.

В идеале данный материал требует расширения по указанным выше параметрам, однако, с учётом высокой проблемности, актуальности, интересных и оригинальных авторских размышлений он может быть оценен как приемлемый и допустимый к публикации в рецензируемом издании.

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Тулитбаева Г.Ф., Политика О.И., Сафина Л.Ф. — Особенности идентичности у подростков с суицидальными попытками во время пандемии COVID-19 // Психолог. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.3.38250
EDN: RUSCHE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38250

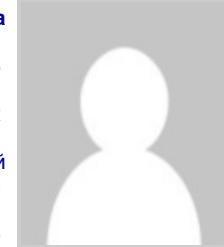
Особенности идентичности у подростков с суицидальными попытками во время пандемии COVID-19**Тулитбаева Галина Фанилевна**

ORCID: 0000-0002-3754-9473

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологического сопровождения и клинической психологии, Уфимский университет науки и технологий

450000, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/4

✉ tulitbaevagf@rambler.ru**Политика Оксана Ивановна**

ORCID: 0000-0002-5538-7711

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологического сопровождения и клинической психологии, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования Башкирский государственный университет

450000, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ okcanapolitika@yandex.ru**Сафина Ляйсан Фаритовна**

ORCID: отсутствует

магистр, кафедра психологического сопровождения и клинической психологии, Башкирский государственный университет

450000, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ sammerrain74@yandex.ru[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8701.2023.3.38250

EDN:

RUSCHE

Дата направления статьи в редакцию:

10-06-2022

Аннотация: С самого начала пандемийного периода по заболеваемости Covid-2019, многочисленные источники фиксируют увеличение количества самоубийств среди подростков. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение социальной и личностной идентичности у подростков с суициальными попытками в анамнезе и подростков без суициальных попыток. Все подростки, совершившие попытку суицида, на момент исследования проходили курс лечения в ГБУЗ Республиканском клиническом психотерапевтическом центре и ГБУЗ РБ Республиканской клинической психиатрической больнице (42 человека). Группу подростков без суициальных намерений составили 84 учащихся МАОУ «Физико-математический лицей № 93» ГО г. Уфа РБ. В исследовании описаны различия в социальной и личностной идентичности в двух выделенных группах подростков. Обнаружены статистически достоверные различия между подростками, совершившими попытку самоубийства, и подростками, не имеющими попыток в анамнезе, по следующим показателям: социально-психологическая адаптация, личностная идентичность, нисходящее сравнение. У подростков без суициальных намерений уровень выраженности социально-психологической адаптации выше, они более позитивно относятся к себе как к личности, у них стабильная система ценностных ориентаций и высокий уровень рефлексивности, в отличие от подростков с суициальными попытками в анамнезе. Подростки с суициальными попытками в меньшей степени ощущают и осознают уникальность своей личности, неповторимость своих личностных качеств, для них характерно непринятие норм и правил общества, стремление к отстраненности, безразличие к собственному Я, потеря интереса к своему внутреннему миру, заниженная самооценка. Выборки схожи по показателям времяпрепровождение, сплоченность, межгрупповая конкуренция и сравнение, коллективная самооценка.

Ключевые слова:

идентичность, личностная идентичность, социальная идентичность, подростковый возраст, суицид, суициальное поведение, суициальная личность, подросток, самоубийство у подростков, Covid-2019

Введение. Созданная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) база данных о смертности населения позволяет определить, что самоубийства вторая ведущая причина смерти среди молодых людей 15-29 лет. Необходимо отметить, что ВОЗ считают, что в России ситуация с подростковыми самоубийствами особенно тяжела: российские подростки чаще своих сверстников из других стран добровольно расстаются с жизнью [1].

По данным другого источника, в России за первое полугодие 2021 года зафиксировано 3064 попытки и завершенных суицидов среди подростков. Это на 43% больше, чем в 2020 году, когда произошло 2146 самоубийств и попыток их совершить.

Как указывают многочисленные источники большое количество самоубийств связаны, прежде всего, с пандемией по заболеваемости Covid охватившей весь мир в 2019 г. и продолжающейся по сей день. Вынужденная самоизоляция, эмоциональное напряжение, тревожность, депрессивное настроение – так характеризуется общественное настроение последних трех лет, все это способствует появлению мыслей о суициде. Об этом в частности заявляет генеральный директор ВОЗ Тедрос Аданом Гебрейесус [2]. Кроме

того, в Журнале Американской Медицинской ассоциации (JAMA)^[3] выражается озабоченность по поводу потенциального роста числа самоубийств из-за экономического кризиса, социальной изоляции, медицинских проблем и других факторов, связанных с пандемией Covid-19.

Особому риску в такой ситуации подвержена эмоциональная сфера подростков. Именно в этой возрастной группе произошел всплеск самоубийств. Подростки более чувствительны к одиночеству и изоляции, чем другие группы населения, а сокращение контактов и самоизоляция нарушает их нормальную социальную жизнь. Кроме того, в период подросткового возраста наиболее динамична и подвержена влиянию различных факторов структура идентичности.

Изложение основного материала статьи. Для проведения исследования было выделено две выборки: подростки с суициdalными попытками в анамнезе, поскольку суициdalные попытки являются наиболее значимым фактором для выявления особенностей у суицидентов, и подростки без суициdalных попыток. Все подростки, совершившие попытку суицида, на момент исследования проходили курс реабилитации в ГБУЗ Республиканском клиническом психотерапевтическом центре и ГБУЗ РБ Республиканской клинической психиатрической больнице. Данную группу составили 42 подростка, среди них 22 мальчика и 20 девочек. Средний возраст испытуемых 17 лет.

Для исследования сравнительных данных выделена группа подростков без суициdalных намерений, которую составили 84 учащихся МАОУ «Физико-математический лицей № 93» ГО г. Уфа РБ. Это учащиеся одиннадцатого класса, среди них 22 юношей и 20 девушек.

Методиками исследования стали следующие инструменты: методика исследования личностной идентичности (В.Б. Никишина, Е.А. Петраш); методика изучения личностной идентичности (Л.Б. Шнейдер); опросник социальной идентичности (О.В. Васькова).

Статистические методы анализа: расчет средних арифметических и стандартных отклонений; непараметрический критерий U-Манна-Уитни, корреляционный анализ по методу Ч. Пирсона. Расчеты производились с помощью программного обеспечения SPSS (версия 17,0).

В качестве гипотезы исследования выступило следующее предположение: имеются различия в уровнях социальной и личностной идентичности у подростков с суициdalными попытками и подростками без суициdalных попыток.

Результаты исследования. Для выявления различий в социальной и личностной идентичности у подростков с суициdalным поведением и подростков, не имеющих суициdalных намерений и поступков, мы сопоставили показатели по непараметрическому критерию U-Манна-Уитни. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ средних групповых показателей

идентичности у подростков

№	Показатель	Подростки с суициdalными попытками (n = 42)		Подростки без суициdalных попыток (n = 84)		Уровень значимости (p)
		срелинее	σ	срелинее	σ	

Методика исследования личностной идентичности						
(В.Б. Никишина, Е.А. Петраш)						
1	Социально-психологическая адаптация	15,8	4,4	23,3	4,5	0,00*
Методика изучения личностной идентичности (Л.Б. Шнейдер)						
2	Личностная идентичность	36,8	15,5	54,1	17,1	0,001*
Опросник социальной идентичности (О.В. Васькова)						
3	Времяпрепровождение	3,9	1,0	4,4	0,9	0,118
4	Сплоченность	4,0	0,9	4,4	0,8	0,110
5	Межгрупповая конкуренция и сравнение	3,4	0,9	3,5	0,9	0,666
6	Нисходящее сравнение	3,3	0,9	4,0	1,0	0,046*
7	Коллективная самооценка	3,7	0,7	4,2	1,0	0,063

Примечания: * – статистически значимые различия на уровне не ниже $p < 0,05$.

Проанализируем полученные данные.

Обнаружены статистически достоверные различия между подростками с суицидальным поведением и подростками, не имеющих суицидальных намерений, по показателю личностной идентичности – социально-психологическая адаптация ($15,8 \pm 4,4$; $23,3 \pm 4,5$; $p = 0,00$). Из этого следует, что у подростков без суицидальных намерений уровень выраженности социально-психологической адаптации выше, они более позитивно относятся к себе как к личности, у них стабильная система ценностных ориентаций и высокий уровень рефлексивности, в отличие от подростков с суицидальными попытками в анамнезе.

Средние арифметические данные группы подростков с суицидальными попытками составили 15,8 баллов, что говорит о том, что у них низкий уровень социально-психологической адаптации, низкие уровни авторитарности и рефлексивности, неустойчивость системы ценностей и самоотношения.

О среднем уровне выраженности социально-психологической адаптации у подростков без суицидальных попыток говорят показатели в 23,3 балла. У них устойчивая система ценностей и самоотношения, самостоятельность и авторитарность гораздо выше, чем в предыдущей выборке.

Также у подростков двух групп были отмечены достоверные различия по критерию U-Манна-Уитни в личностной идентичности, в подлинных представлениях субъекта о себе, собственном пути развития ($36,8 \pm 15,5$; $54,1 \pm 17,1$; $p=0,001$). Подростки с суицидальными попытками в меньшей степени, чем подростки без суицидальных намерений, ощущают и осознают уникальность своей личности, неповторимость своих личностных качеств. Для подростков с суицидальными попытками более характерны не принятие норм и правил общества, стремление к отстраненности, безразличию к собственному Я, потеря интереса к своему внутреннему миру, заниженная самооценка.

Средние показатели личностной идентичности имеют низкий (36,8 баллов) уровень у подростков с суицидным поведением, они стремятся к отстраненности, отмечается безразличие к собственному Я, потеря интереса к своему внутреннему миру, заниженная самооценка. Подростки без суицидальных намерений имеют средний уровень (54 балла),

что характеризует их как людей, имеющих потребность в самоосуществлении, желающих проявлять себя в жизни, принимать нормы и правила общества, поддерживать свое самоуважение.

Статистический анализ результатов по опроснику диагностики социальной идентичности установил достоверные различия по шкале «нисходящее сравнение» у подростков с суициdalными попытками и подростков без суициdalных намерений ($3,3 \pm 0,9$; 4 ± 1 ; $p=0,04$). Подростки с суициdalными попытками менее склонны сравнивать себя с членами своего класса в свою пользу, в отличии от подростков второй группы. Сравнение себя с другими в подростковом возрасте практически означает стремление к идеалу, стремление быть уважаемым в малой группе сверстников, иметь собственные мнения и взгляды.

По таким переменным социальной идентичности как времяпрепровождение ($p=0,11$), сплоченность ($p=0,11$), межгрупповая конкуренция и сравнение ($p=0,66$), коллективная самооценка ($p=0,06$) статистически достоверных различий по критерию U-Манна-Уитни не обнаружено. При этом показатели социальной идентичности по шкалам «времяпрепровождение» (3,9 балла), «сплоченность» (4 балла), «межгрупповая конкуренция и сравнение» (3,4 балла), «нисходящее сравнение» (3,3 балла), «коллективная самооценка» (3,7 балла) у подростков с суициdalным поведением имеют среднестатистический уровень, что свидетельствует о том, что они желают проводить время со своими одноклассниками в неформальной обстановке, считают, что одноклассники помогают друг другу, они удовлетворены тем, что являются учениками своего класса, иногда могут в некоторых ситуациях сравнивать себя с членами своего класса в свою пользу, а также сравнивают свой класс с другими.

Средние арифметические данные группы подростков без суициdalных намерений имеют средние показатели социальной идентичности по шкалам «межгрупповая конкуренция и сравнение» (3,5 балла), «нисходящее сравнение» (4 балла), они также как и представители другой группы могут в некоторых ситуациях сравнивать себя с членами своего класса в свою пользу и сравнивать свой класс с другими. Высокий уровень в данной группе был отмечен по шкалам «времяпрепровождение» (4,4 балла), «сплоченность» (4,4 балла), «коллективная самооценка» (4,2 балла), подростки часто с удовольствием проводят время вместе в неформальной обстановке и считают свой класс сплоченным, они удовлетворены, что являются членами именно этого класса.

Таким образом, отмечаются статистически значимые различия в группах подростков с суициdalном поведением и подростков без суициdalных намерений по показателям «социально-психологическая адаптация», «личностная идентичность», «нисходящее сравнение». Значимые различия не были установлены по шкалам «центральность», «ингрупповые чувства», «ингрупповые связи», «самопонимание», «времяпрепровождение», «сплоченность», «межгрупповая конкуренция и сравнение».

Выводы. Результаты исследования позволяют говорить о следующих особенностях идентичности у подростков. Между выделенными группами подростков с суициdalными попытками в анамнезе и без них наблюдаются различия в следующих показателях идентичности: социально-психологическая адаптация, личностная идентичность, нисходящее сравнение. Так, для подростков без суициdalных намерений уровень выраженности социально-психологической адаптации выше, они более позитивно относятся к себе как к личности, у них стабильная система ценностных ориентаций и высокий уровень рефлексивности, в отличие от подростков с суициdalными попытками в анамнезе. Подростки с суициdalными попытками в меньшей степени ощущают и

осознают уникальность своей личности, неповторимость своих личностных качеств, для них характерно не принятие норм и правил общества, стремление к отстраненности, безразличие к собственному Я, потеря интереса к своему внутреннему миру, заниженная самооценка. Выборки схожи по показателям времяпрепровождение, сплоченность, межгрупповая конкуренция и сравнение, коллективная самооценка. То есть подростки обеих групп стремятся проводить время со своими одноклассниками в неформальной обстановке, считают, что одноклассники помогают друг другу, они удовлетворены тем, что являются учениками этого класса, иногда могут в некоторых ситуациях сравнивать себя с членами своего класса в свою пользу, а также сравнивают свой класс с другими.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных данных в консультативной, психотерапевтической, психопрофилактической и просветительской работе с лицами подросткового возраста, в том числе и с лицами совершившими суициdalный акт. Результаты исследования могут быть применены в работе по формированию и развитию идентичности у подростков.

Библиография

1. ВОЗ. Самоубийство. - URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide>. Ссылка активна на 14.03.2022.
2. РБК. Пандемия вдвое увеличила число психических расстройств среди подростков. - URL: <https://www.rbc.ru/society/13/08/2021/6116cdc09a794780c49de5f1>. Ссылка активна на 14.03.2022.
3. Mark A. Reger; Ian H. Stanley; Thomas E. Joiner Suicide Mortality and Coronavirus Disease 2019 – A Perfect Storm? // JAMA Psychiatry. - 2020. - Nov 1. - 77(11). P. 1093-1094. DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2020.1060.
4. Википедия. Идентичность. - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Идентичность>
5. Никишина В.Б., Петраш Е.А. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. - 2014. - №13 (184). С. 354-361.
6. Васькова О.В. Применение опросника социальной идентичности для диагностики социально-психологических особенностей ученической группы старших подростков //Психологическая наука и образование. - 2013. - № 2. С. 87-96.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Особенности идентичности у подростков с суициальными попытками во время пандемии COVID-19»

Предмет исследования не заявлен автором статьи напрямую, но прослеживается в ее названии и уточнен в содержании работы – это социальная и личностная идентичность у подростков с суициальным поведением и подростков, не имеющих суициальных намерений и поступков

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части применены методы анализа, систематизации и обобщения литературных данных, используется обзор 6 литературных источников, в том числе применены убедительные статистические данные. Все материалы актуальные, связаны с

ситуацией с пандемией и ее последствиями.

Эмпирическая часть исследования представлена достаточно обширно. Автор сравнивает особенности личности подростков с суициальными наклонностями и без них. В этой работе участвует вполне достаточная выборка испытуемых – более 120 подростков, средний возраст которых составляет около 17 лет. Все испытуемые разделены на 2 группы:

- 1 группа – подростки, совершившие попытку суицида. Они на момент исследования проходили курс реабилитации в ГБУЗ Республиканском клиническом психотерапевтическом центре и ГБУЗ РБ Республиканской клинической психиатрической больнице (42 человека);
- 2 группа – подростки без суициальных намерений, которую составили 84 учащихся МАОУ «Физико-математический лицей № 93» ГО г. Уфа РБ (84 человека).

Группы испытуемых являются репрезентативными с точки зрения темы исследования, представлены разумным распределением с точки зрения возраста, пола и вида деятельности.

В исследовании используются различные психодиагностические методики:

- методика исследования личностной идентичности (В.Б. Никишина, Е.А. Петраш);
- методика изучения личностной идентичности (Л.Б. Шнейдер);
- опросник социальной идентичности (О.В. Васькова).

В работе также применены статистические методы анализа: расчет средних арифметических и стандартных отклонений; непараметрический критерий U-Манна-Уитни, корреляционный анализ по методу Ч. Пирсона. Методы грамотно подобраны с учетом непараметрических особенностей выборки. Расчеты производились с помощью программного обеспечения SPSS.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению личностных особенностей людей с суициальными наклонностями всегда был весьма высоким в психологической науке и практике. В последние годы в связи с нарастанием числа случаев суицидов среди подростков эта тема приобрела особый статус. Это отражено в практической деятельности школьных психологов, которые теперь регулярно отслеживают детей с суициальными наклонностями и оказывают психологическую помощь. Поэтому тема особенностей идентичности у подростков с суициальными наклонностями в период увеличения неопределенности в окружающем мире, что связано с пандемией, является более чем актуальной.

Научная новизна – проявляется в том, что авторы рассматривают различия в уровнях социальной и личностной идентичности у подростков с суициальными попытками и подростками без суициальных попыток. Это одно из первых исследований в рамках заявленной тематики, которое проведено в постпандемийный период.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Важно, что автор сопровождает обзор литературы аргументированными статистическими данными. Вводная часть отличается высоким уровнем проработки.

В основной части статьи представлено подробное описание организации исследования. Автор представил описание выборки, подробно описал организационную сторону исследования. Методологическая часть работы вполне грамотно представлена в статье. Результаты исследования представлены в таблице со сравнительными межгрупповыми данными и подробно интерпретированы.

В заключении автор делает грамотные и аргументированные выводы.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности, но при этом он вполне доступен для восприятия.

Библиография

Насчитывает всего 6 источников, в том числе издания на английском языке. Они датированы разными периодами, в том числе 2013-22 годом. Скромный список литературы объясняется специфичностью темы исследования. При этом следует отметить, что проработка информационной базы могла бы быть более глубокой. Например, при поиске по ключевым словам в РИНЦ, можно найти около двух десятков статей за последние 3 года по сопоставимой с названием статьи тематике.

Апелляция к оппонентам – статья может быть рекомендована к публикации. Она содержит авторскую позицию, грамотный обзор литературы и качественное эмпирическое исследование.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории – психологов и психодиагностов, педагогов, психотерапевтов.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Кузьмина А.С., Прайзендорф Е.С. — Тревожно-депрессивная симптоматика в контексте типа отношения к беременности у женщин в послеродовый период // Психолог. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.3.38268 EDN: RUZMKS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38268

Тревожно-депрессивная симптоматика в контексте типа отношения к беременности у женщин в послеродовый период

Кузьмина Анна Сергеевна

кандидат психологических наук

доцент кафедры клинической психологии Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61, ооф. 302

✉ annakuz87@yandex.ru

Прайзендорф Екатерина Сергеевна

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9014-8927>

старший преподаватель кафедры клинической психологии Алтайского государственного университета

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61, ооф. 302

✉ catherinears@list.ru

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.3.38268

EDN:

RUZMKS

Дата направления статьи в редакцию:

14-06-2022

Аннотация: Предмет исследования — тревожно-депрессивная симптоматика женщин в послеродовый период. Целью исследования стало выявление взаимосвязей тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродовом периоде и типа отношения к беременности. Автором определены различия в тревожно-депрессивной симптоматике у женщин с разным типом проживания и применением родовспоможения. Получены результаты о взаимосвязи тревоги и депрессии с типом отношения к беременности у женщин в послеродовом периоде. Методология исследования: типология психологического компонента гестационной доминанты И.В. Добрякова. Эмпирическая

база исследования: исследование проведено на базе КГБУЗ «Алтайского краевого клинического центра охраны материнства и детства» с женщинами, находящимися в раннем послеродовом периоде. Теоретически обосновано и эмпирически доказано существование взаимосвязей между появлением тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродом периоде и типом отношения к беременности. Определены качественные характеристики различий типа отношения к беременности у женщин с различным типом проживания и применением родовспоможения. Основные выводы исследования представлены в положениях. Тревожная симптоматика в послеродовый период более характерна женщинам из сельской местности. Женщинам, перенесшим естественные роды, более характерно переживать депрессию и тревогу в послеродовый период. Сельским женщинам более характерен гипогестогнозический тип отношения к беременности, городским женщинам - депрессивный тип отношения к беременности. Тревожный и депрессивный типы отношения к беременности, связанные с опасениями, выраженными страхами, плаксивостью являются факторами риска к развитию тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродовый период.

Ключевые слова:

Беременность, Психология беременности, отношение к беременности, гестационная доминанта, Естественные роды, Послеродовый период, Тревога, Депрессия, Тревожно-депрессивная симптоматика, Подготовка к родам

Результаты исследований получены при финансовой поддержке внутриуниверситетского гранта для молодых научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Когнитивные установки в структуре самосознания беременных женщин и женщин в послеродовой период в условиях распространения коронавирусной инфекции в контексте здоровьесберегающих технологий», 2021

Проблема изучения тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродовый период и особенностей ее взаимосвязи с типом отношения к беременности в настоящее время приобретает все большую значимость и представляет собой важную область исследований, расположенную на стыке медицины, перинатальной и клинической психологии [4, 9, 12]. Послеродовый период - это новый этап в жизни женщины, обретение иной женской идентичности, время эмоционального и психологического переворота, и протекание этого периода в значительной степени связано с спецификой отношения женщины во время беременности к себе и своему состоянию [6, 16].

Кроме того, психологическое здоровье женщины в послеродовом периоде и особенности ее эмоционального фона определяет здоровье ребенка и особенности его развития. Тревожно-депрессивная симптоматика в послеродовом периоде опасна и в связи с риском возникновения послеродовой депрессии, суицидальных наклонностей и самоповреждения женщин [3, 20, 21].

Послеродовая депрессия одна из самых социально значимых и часто встречающихся проблем, существенно влияющих на здоровье матери и на многие аспекты ее жизни: на семью в целом, родных и близких и особенно на ребенка. Анализ научных источников свидетельствует о том, что типичный депрессивный эпизод переживают 10 – 15 % женщин по всему миру после рождения ребенка [5, 23, 24]. Депрессивное расстройство для женщин может перерасти в существенную проблему, поскольку адекватная помощь

может либо запоздать из-за поздней постановки диагноза, либо ее может не быть совсем, так как женщины довольно часто не признаются и не рассказывают о своих чувствах [10, 15, 17].

Поведение женщины, ее переживания во время беременности приобретают специфичность в связи с особенностями ее личностного склада и отношения к беременности. Первая беременность обозначается часто как критический момент в развитии женской идентичности, некоторая точка невозврата к прежним отношениям с собой и окружающим миром [1, 8, 22].

Современные тенденции развития психологической науки выводят на понимание периода беременности как особого периода в жизни женщины, акцентируя внимание на трансформационных процессах, связанных с изменением образа жизни: меняется социальная ситуация развития личности, происходит смена ролей, изменяется круг лиц, включенных во взаимодействие, весь спектр решаемых проблем и возможностей, образ жизни в целом [11, 18, 19].

В целом, на сегодняшний день определяется разнонаправленный подход к изучению проблем материнства, обобщающий различные научные направления. Так, фундаментальные аспекты взаимодействия матери и ребенка в раннем онтогенезе представлены в трудах Г.Г. Филипповой, Н.Н. Авдеевой, Г.В. Скобло и др.; изучением особенностей эмоционального состояния беременных женщин занимались А.С. Батуев, А.И. Захаров и др.; вопросы материнского отклоняющегося поведения рассмотрены в работах В.И. Брутман, О.В. Баженова, А.Я. Варга и др; индивидуальные личностные трансформации, обусловленные новым родительским статусом изучены О.А. Карабановой, С.Ю. Мещеряковой и др. В большинстве современных научных трудов, связанными с важнейшими аспектами беременности, родов и материнства авторы в качестве методологической основы опираются на зарубежные психологические концепции З. Фрейда, К. Хорни, Дж. Боулби, Д.В. Винникота, М. Кляйн, М. Эйнворт.

Исследования в области проявления невротических реакций во время беременности и послеродовый период также представлены в науке. Так, часть авторов указывают на то, что причиной, которая способствует возникновению послеродовой депрессии является пережитая боль и перенесенный стресс J.C. Eisenach, J. Kountanis, S.A. Freedman. Видна тенденция разделения невротических расстройств у женщин на три направления: депрессивное, тревожно-депрессивное и депрессивное с явлениями навязчивости, представленная в трудах И.А. Колесникова, П.П. Балашова, А.Б. Смулевич и др. И.В. Добряков указывает на сложность диагностики депрессии ввиду того, что некоторые симптомы данного расстройства могут быть присущи и совершенно здоровым женщинам.

В перинатальной психологии существуют различия в подходах к выбору основания отношения к беременности. В целом, выделение типовых вариантов отношения к беременности проводится на основе анализа особенностей реагирования личности матери на собственное Я, на беременность, на окружающую реальность и на круг субъективно значимых в этой связи лиц и ситуаций.

Г.Г. Филиппова вводит понятие стиля переживания беременности. Выделяя 6 стилей переживания беременности [21]:

1. Адекватный стиль:

2. Тревожный стиль переживания беременности:

3. Эйфорический стиль переживания беременности:

4. Игнорирующий стиль:

5. Амбивалентный стиль:

6. Отвергающий стиль.

Центральным понятием работы является определение типа отношения к беременности, который в методологии И.В. Добрякова определяется через психологический компонент гестационной доминанты.

И.В. Добряков в своих работах указывает на возникновении при беременности гестационной доминанты, имеющей психологический и физиологический компоненты [7]. Гестационная доминанта обеспечивает направленность всех реакций организма на создание оптимальных условий для развития эмбриона, а затем плода, на вынашивание, а затем рождение и заботу о ребенке [13]. Психологический компонент гестационной доминанты И.В. Добряков определяет, как совокупность механизмов психической саморегуляции, направленных на сохранение беременности и создание условий для развития ребенка, формирующую отношение женщины к беременности и ее поведение в этот период [7, 14].

В своих работах И.В. Добряков выделяет 5 типов психологического компонента гестационной доминанты: оптимальный, гипогестогнозический, эйфорический, тревожный и депрессивный, которые образуют уникальный для каждой женщины профиль типа отношения к беременности, раскрывающийся через совокупность шкал методики И.В. Добрякова.

При оптимальном типе беременность, как правило, является желанной. Женщина положительно относится к факту своей беременности, своевременно встает на учет в женскую консультацию и выполняет рекомендации врача. Такие женщины уверены в собственной родительской компетентности, без лишней тревоги ожидает родов и постепенно перестраивают свой образ жизни.

При гипогестогнозическом типе женщина старается игнорировать соматические изменения, связанные с беременностью. Такие женщины стараются не менять свой образ жизни, часто ущемляя интересы ребенка.

При эйфорическом типе беременности фон настроения женщины повышен на протяжении всей беременности. Такие женщины с удовольствием изменяют образ жизни, как только узнают о беременности, требуют от близких особой заботы и внимания, выполнения всех их капризов, но при возникновении осложнений женщина оказывается не готовой к конструктивным действиям.

Женщины с тревожным типом с самого начала беременности испытывают высокий уровень тревоги и напряжения, нередко имеют выраженные страхи, их постоянно тревожит здоровье ребенка, его благополучие. После родов такие женщины продолжают постоянно беспокоиться о благополучии ребенка, сомневаться, все ли она делает правильно [2].

При депрессивном типе у женщины на протяжении всей беременности сохраняется подавленное состояние, плаксивость, ей может казаться, что беременность сильно ее испортила, нарушила отношения с мужем. Такие женщины не имеют представлений о

ребенке, однако им может казаться, что непременно будет неполноценным. Они уверены в том, что не справятся с ролью матери [4, 7].

Итак, различные типы отношения к беременности определяют направленность и выраженность реакций организма беременной женщины на создание оптимальных условий для внутриутробного развития ребенка.

Таким образом, существует проблема, заключающаяся в необходимости разрешения противоречия между объективной потребностью оказания психологической помощи женщинам в послеродовом периоде в части устранения риска развития тревожно-депрессивной симптоматики и отсутствием научно-обоснованных путей и средств реализации данного процесса.

В связи вышесказанным представляется значимым изучение тревожно-депрессивной симптоматики женщин в послеродовом периоде во взаимосвязи с типом отношения к беременности.

Целью исследования стало выявление взаимосвязей тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродовом периоде и типа отношения к беременности.

Предмет исследования — тревожно-депрессивная симптоматика женщин в послеродовый период.

Научная новизна исследования. Теоретически обосновано и эмпирически доказано существование взаимосвязей между появлением тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродом периоде и типом отношения к беременности. Определены качественные характеристики различий в тревожно-депрессивной симптоматике и типа отношения к беременности у женщин с различным типом проживания, и наличием родовспоможения.

Методология исследования: типология психологического компонента гестационной доминанты И.В. Добрякова.

Важным понятием в работе выступает понятие психологического компонента гестационной доминанты, который операционализирован через отношение женщины к своей беременности.

Гипотезой исследования выступило предположение о наличие различий в типах отношения к беременности у женщин в послеродовый период в зависимости от типа проживания и применения родовспоможения и наличии взаимосвязей тревоги и депрессии с типом отношения к беременности у женщин в послеродовом периоде.

Эмпирическая база исследования: исследование проведено на базе КГБУЗ «Алтайского краевого клинического центра охраны материнства и детства» с женщинами, находящимися в раннем послеродовом периоде. Респондентами стали 120 женщин, средний возраст $22,3 \pm 8,2$. Послеродовый период от одного до семи дней с момента родов. Анкетные данные выявили тип проживания женщин (город и село), наличие родовспоможения (естественные роды, плановое кесарево сечение, экстренное кесарево сечение).

Для наглядного представления эмпирической базы исследований представим таблицу.

Таблица 1.

Описание выборочной совокупность

Наименование	Критерий	Количество, %
Тип проживания	город	61,7
	село	38,3
	Итого	100
Наличие родовспоможения в родах	естественные роды	73,3
	плановое кесарево сечение	15,8
	экстренное кесарево сечение	10,9
	Итого	100

Методы и методики исследования:

Анкета, выявляющая возраст, семейное положение, наличие родовспоможения, тип проживания.

Госпитальная Шкала Тревоги и Депрессии (HADS). Госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS (The hospital Anxiety and Depression Scale Zigmond A.S., Snaith R.P.) разработана для первичного выявления депрессии и тревоги в условиях общемедицинской практики.

Тест отношений беременной– ТОБ(б) (Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М.), который содержит три блока утверждений, отражающих три следующих аспекта:

А. Отношение женщины к себе беременной.

Б. Отношения женщины в формирующейся системе «мать-дитя».

В. Отношения беременной женщины к отношениям к ней окружающих.

В каждом блоке выделяется три раздела, в которых шкалируются различные понятия. Каждое из них представлено пятью утверждениями, отражающими пять различных типов психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД). Испытуемой предлагается выбрать один из них, наиболее соответствующий ее состоянию.

Блок А (отношение женщины к себе беременной) представлен следующими разделами:

I. Отношение к беременности.

II. Отношение к образу жизни во время беременности.

III. Отношение во время беременности к предстоящим родам.

Блок Б (отношения женщины в формирующейся в течение девяти месяцев беременности системе «мать-дитя») содержит разделы:

I. Отношение к себе как к матери.

II. Отношение к своему ребенку.

II. Отношение к вскармливанию ребенка грудью.

Блок В (отношения беременной женщины к отношениям к ней окружающих) представлен следующими разделами:

I. Отношение ко мне, беременной, мужу.

II. Отношение ко мне, беременной, родственников и близких.

III. Отношение ко мне, беременной, посторонних людей. Тест приводится полностью.

В результате обработки теста получается индивидуальный профиль отношения к беременности, который содержит пять шкал, определяющих выраженность типов психологического компонента гестационной доминанты: оптимальный, гипогестогнозический, эйфорический. Таким образом результаты теста по каждой женщине включают индивидуальный профиль, отражающий выраженность 5 типов отношения к беременности.

Методы математико-статистической обработки данных: однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, Т-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Спирмена.

С помощью t-критерия Стьюдента выявлены различия по тревожно-депрессивной симптоматики и типам отношения к беременности у женщин с разным типом проживания (см. таб. 2, рис. 1, 2).

Таблица 2.

Результаты t-критерия Стьюдента у женщин в послеродовый период в зависимости от типа проживания

	проживание	N	Mean	Std. Deviation	p
оптимальный	город	74,00	4,17	1,50	0,31
	село	46,00	3,85	1,54	
гипогестогнозический	город	74,00	0,47	0,70	0,05*
	село	46,00	1,05	1,09	
эйфорический	город	74,00	3,02	1,60	0,27
	село	46,00	2,66	1,54	
тревожный	город	74,00	1,10	1,22	0,33
	село	46,00	1,32	1,01	
депрессивный	город	74,00	0,25	0,44	0,05*
	село	46,00	0,12	0,33	
Тревога	город	74,00	7,27	3,97	0,05*
	село	46,00	8,49	4,59	
Депрессия	город	74,00	6,05	3,59	0,16
	село	46,00	7,17	4,35	

Условные обозначения: N – объем выборки, M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение, p – уровень значимости, * - уровень значимости $p=0,05$.

Рисунок 1. Сравнительный анализ средних значений по тревожной симптоматике у женщин в послеродовый период в зависимости от типа проживания, $p=0,05$.

Анализ рисунка 1 показал, что сельским женщинам достоверно более характерно в ранний послеродовый период испытывать повышенную тревогу. Они испытывают напряжение, беспокойные мысли крутятся в их голове, испытывают волнение и страх, крайне озабочены организацией в их отсутствии домашнего быта и хозяйства, переживают и думают о том, что может произойти что-то ужасное. Их волнуют и вопросы оказания медицинской помощи им и ребенку. Возможно, это может связано с трудностями получения медицинских услуг в сельской местности.

Рисунок 2 демонстрирует достоверные различия в типах отношения к беременности у женщин в послеродовый период в зависимости от типа проживания.

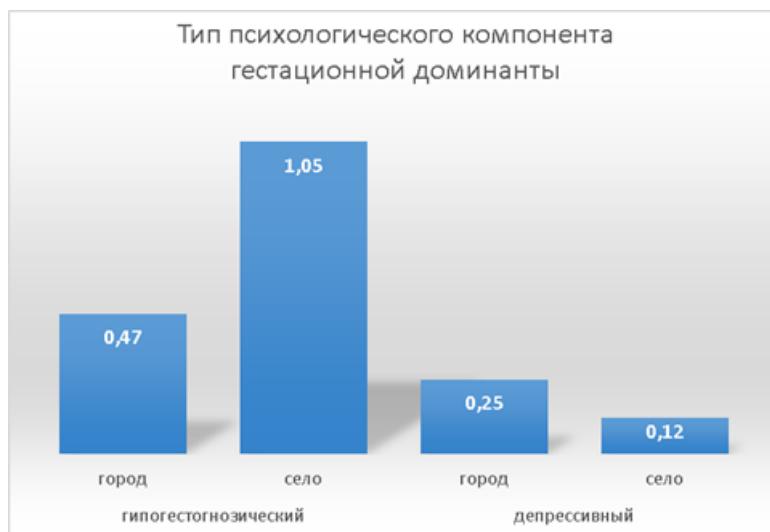

Рисунок 2. Сравнительный анализ средних значений показателей типов отношения к беременности у женщин в послеродовый период в зависимости от типа проживания, $p=0,05$.

Анализ рисунка 2 показал, что сельским женщинам достоверно более характерен гипогестогнозический тип отношения к беременности, при котором женщины склонны недооценивать важность и серьезность происходящего с ними. После родов они не склонны менять свой образ жизни. Уход за детьми, как правило, передоверяется другим лицам (бабушкам, старшим детям). Для городских женщин достоверно более характерен депрессивный тип отношения к беременности, депрессивные переживания проявляются, прежде всего, в резко сниженном фоне настроения беременных. Так, женщина, мечтавшая о ребенке, может начать утверждать, что теперь, не хочет его, не верит в

свою способность вырастить здорового ребенка. Женщины считают, что беременность «изуродовала их», боятся быть покинутыми мужем, часто плачут. В тяжелых случаях появляются сверхценные, а иногда и бредовые ипохондрические идеи, идеи самоуничтожения, обнаруживаются суицидальные тенденции у женщин высокими значениями по шкале депрессивный тип отношения к беременности.

Приведем результаты сравнительного анализа наличия тревожно-депрессивной симптоматики и отношения к беременности у женщин в послеродовой период в зависимости от в зависимости от применения родовспоможения (естественные роды, плановое кесарево сечение, экстренное кесарево сечение).

Результаты однофакторного дисперсионного анализа ANOVA представлены в таблице 4 на рисунках 4, 5.

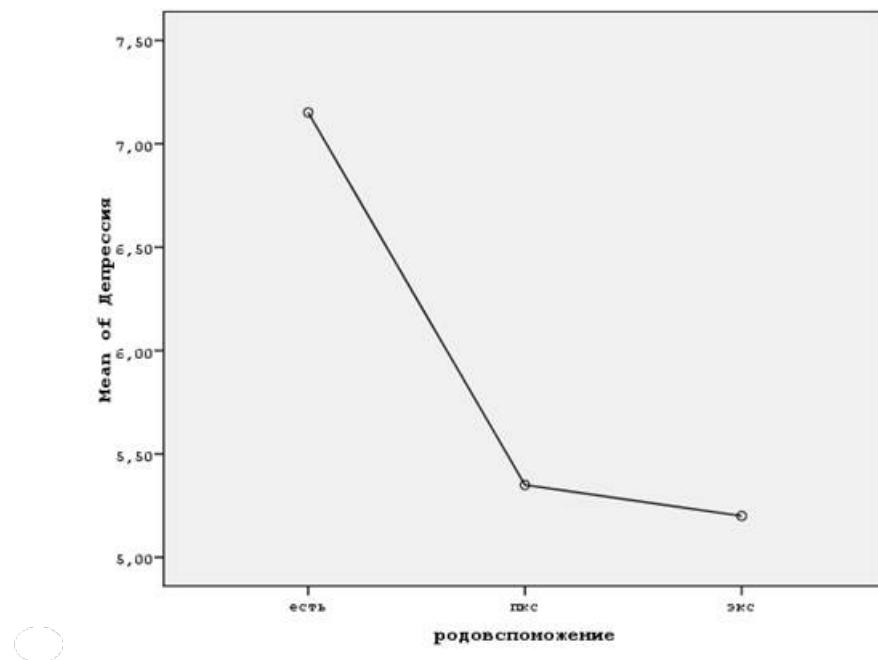
Таблица 4

Результаты однофакторного ANOVA у женщин с разным типом применения родовспоможения в ранний послеродовый период

Показатель	Тип родов	Среднее значение	F	p
Депрессия	Естественные роды	7,3	3,15	0,01**
	Плановое кесарево сечение	5,3		
	Экстренное кесарево сечение	5,2		
Тревога	Естественные роды	8,4	2,67	0,05*
	Плановое кесарево сечение	6,53		
	Экстренное кесарево сечение	6,6		

*Условные обозначения: F – сила различий, p – уровень значимости * - уровень значимости p=0,05, ** - уровень значимости p=0,01,*

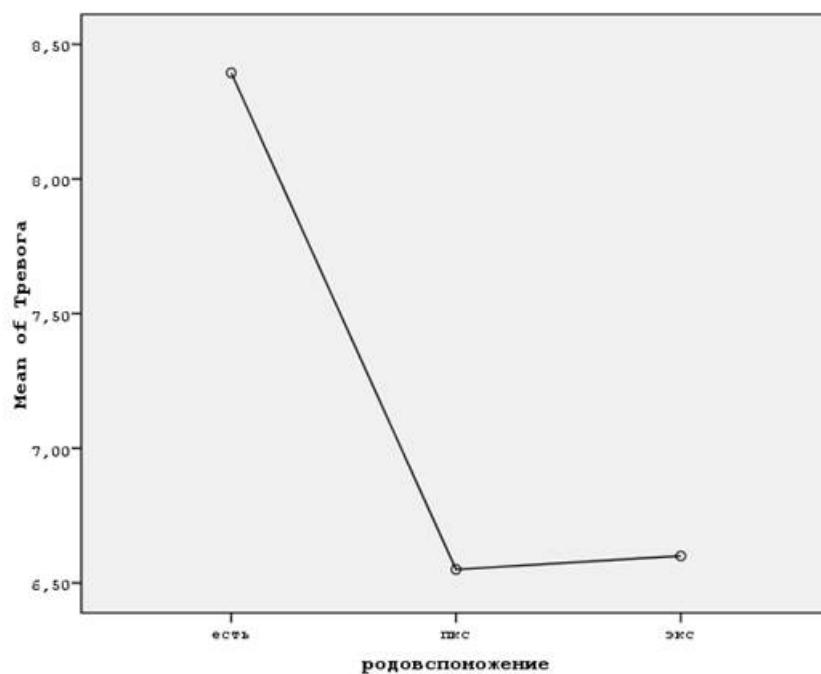
Как видно из рисунка 4 наиболее высокие значения по шкале депрессии получены у женщин, родивших ребенка без применения родовспоможения.

Условные обозначения: е – естественные роды, ПКС – плановое кесарево сечение, ЭКС – экстренное кесарево сечение

Рисунок 4. Сравнительный анализ средних значений по показателю депрессивной симптоматики у женщин в послеродовый период в зависимости от применения родовспоможений, $p=0,05$

Рисунок 5 демонстрирует более высокие значения по шкале тревоги у женщин, родивших ребенка без применения родовспоможения.

Условные обозначения: е – естественные роды, ПКС – плановое кесарево сечение, ЭКС – экстренное кесарево сечение

Рисунок 5. Сравнительный анализ средних значений по показателю тревожной симптоматики у женщин в послеродовый период в зависимости от применения родовспоможения, $p=0,05$

Женщинам, перенесшим естественные роды, более характерно переживать депрессию и тревогу в послеродовый период, что связано с их высокой личной ответственностью и активным участием в родах, а также с недостаточной психологической подготовкой к родам.

Анализ анкетных данных показал, что только 16% женщин посещали курсы дородовой подготовки, и чаще всего это женщины с плановым кесаревым сечением, которые готовятся к родам и материнству более тщательно.

Корреляционный анализ Спирмена показал наличие положительной взаимосвязи шкалы тревоги с показателем по шкале тревожный тип отношения к беременности ($r=0,421$; $p=0,01$) и отрицательной взаимосвязи с показателем по шкале оптимальный типом отношения к беременности ($r=-0,348$; $p=0,01$).

Получены положительные взаимосвязи шкалы депрессии с такими шкалами типов отношения к беременности, как тревожный ($r=0,564$; $p=0,01$), депрессивный ($r=0,462$; $p=0,01$), и отрицательная взаимосвязь с эйфорическим типом отношения к беременности ($r=-0,521$; $p=0,05$).

Появление тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродовый период взаимосвязано с типом психологического компонента гестационной доминанты. Принятие женщиной беременности, физиологических изменений, связанных с беременностью, положительный эмоциональный фон, уверенность в собственной родительской компетентности способствуют устойчивости к развитию тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродовый период. Тревожный и депрессивный типы отношения к беременности, связанные с опасениями, выраженными страхами, плаксивостью способствуют развитию тревожно-депрессивной симптоматики в послеродовый период.

Таким образом, в работе сделаны следующие выводы:

1. Тревожная симптоматика в послеродовый период более характерна женщинам из сельской местности, что может быть связано с трудностями получения медицинских услуг в сельской местности, в связи с чем повышается тревога о своем здоровье и здоровье ребенка. Женщинам, перенесшим естественные роды, более характерно переживать депрессию и тревогу в послеродовый период, что связано с их высокой личной ответственностью и активным участием в родах, а также с недостаточной психологической подготовкой к родам. Женщинам с плановым кесаревым сечением характерен наиболее низкий уровень тревожно-депрессивной симптоматики.
2. Сельские женщины имеют более высокие показатели по гипогестогенозическому типу отношения к беременности, городские женщины имеют более высокие показатели по депрессивному типу отношения к беременности.
3. Тревожный и депрессивный тип отношения к беременности, связанные с опасениями, выраженными страхами, плаксивостью являются факторами риска к развитию тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродовый период. Оптимальный тип отношения к беременности наиболее благоприятен для эмоционального благополучия женщин в послеродовый период

Проведенное исследование показывает качественные различия тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в связи с наличием применения наличия родовспоможения и типом проживания. Выявлены различия в типах отношения к беременности у женщин с

разным типом проживания. Проанализированы взаимосвязи тревоги и депрессии с типом отношения к беременности у женщин в послеродовом периоде.

Результаты исследования демонстрируют, что тип отношения к беременности выступает фактором риска для развития тревожно-депрессивной симптоматики в послеродовом периоде.

Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с изучением различий тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в связи с наличием хронических заболеваний, осложнений в родах, наличием детей, характеристикой супружеских отношений.

Результаты данного исследования могут быть полезны медицинским психологам для организации программы психологического сопровождения беременных женщин в части проведения психологического образования женщин на этап планирования беременности и подготовки к родам. Интересными результаты могут быть и акушерам-гинекологам в выборе оптимальных способов взаимодействия при формировании перинатального комплаенса в родах.

Библиография

1. Ахмадеева Э.Н., Еникеева Ю.Д. Сравнительная оценка компонентов жизни родильниц в послеродовом периоде в зависимости от способа родоразрешения // Проблемы женского здоровья. 2012. Т. 7. № 4. С. 27-33.
2. Балашов П.П., Колесникова А.М., Мамышева Н.Л. Клинические особенности тревожных расстройств у беременных женщин // Журнал неврологии и психиатрии. 2014. № 11. С. 20-23.
3. Гаялутдинова С.И., Кутушева Р.Р., Гумерова Р.Б. Психологическая готовность беременных женщин к родительству // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. С. 243-250.
4. Гарданова Ж.Р., Анисимова К.А., Васильева А.В. и др. Тревожно-депрессивные расстройства у беременных с артериальной гипертензией // Акушерство и гинекология. 2016. № 8. С. 54-59.
5. Гарнизов Т., Хаджиделева Д. Послеродовая депрессия // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 3. С. 58-69.
6. Горьковая И.А., Рязанова О.В., Александрович Ю.С. и др. Психопрофилактика послеродовой депрессии у женщин с различными вариантами родоразрешения // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Том 28, вып. 4. С. 437-442.
7. Добряков И.В. Перинатальная психология. Санкт-Петербург: Питер, 2010. С. 272.
8. Емельянова Д.И. Качество жизни, связанное со здоровьем, и уровень тревоги и депрессии у женщин, беременность которых протекает на фоне артериальной гипертензии (обзор литературы) // Вятский медицинский вестник. 2014. № 2. С. 36-41.
9. Золотова И.А. Исследование особенностей психологического компонента гестационной доминанты как индикатора формирования дисфункциональных отношений в системе «мать – дитя» у женщин различных возрастных категорий // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 2. С. 135-142.
10. Ивашиненко Д.М., Култыгина С.В. Комплексная оценка состояния женщин с послеродовой депрессией // Вестник новых медицинских технологий. 2011. № 18 (3).

С. 233-234.

11. Игнатко И.В., Кинкулькина М.А., Флорова В.С. [и др.] Послеродовая депрессия: новый взгляд на проблему // Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии. 2018. Т. 17. №1. С. 45-53.
12. Кедярова Е. А., Рысятова М. С., Уварова М. Ю. Характерологические особенности и типы отношения к беременности у молодых женщин // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2018. Т. 24. С. 45–57.
<https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.45>
13. Кольчик Е.Ю., Ушакова В.Р. Специфика отношения к беременности женщин с разным семейным статусом // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №3. С. 1-10.
14. Коргожа М.А. Динамика эмоциональных состояний у женщин в послеродовом периоде: дис. ... канд. мед. наук. Санкт-Петербург, 2019. С. 205.
15. Корнетов Н.А. Послеродовая депрессия-центральная проблема охраны психического здоровья раннего материнства // Бюллетень Сибирской медицины. 2015. Т. 4. № 6. С. 5-24.
16. Ланцбур М.Е., Крысанова Т.В., Соловьева Е.В. Психологические и психосоматические нарушения в период беременности и родов: обзор современных зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5 (2). С. 78-87.
17. Макарова М.А., Тихонова Ю.Г., Авдеева Т.И. и др. Послеродовая депрессия – факторы риска развития, клинические и терапевтические аспекты // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2021. Т. 13. №4. С. 75–80.
18. Медведев Д. А., Малышева Д. С. Внутренний мир беременной женщины в возрасте ранней взрослости // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 22. С. 30–41.
19. Резник В.А., Козырко Е.В., Рязанова О.В., и др. Распространенность и лабораторные маркеры послеродовой депрессии // Журнал акушерства и женских болезней. 2018. Т. 67. № 4. С. 19–29. doi: 10.17816/JOWD67419-29
20. Рязанова О.В. Влияние анестезиологической стратегии при родоразрешении на развитие послеродовой депрессии: дис. ... док. мед. наук.-Санкт-Петербург, 2021.-С. 213.
21. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Юрайт, 2018. 212 с.
22. Di Florio A, Putnam K, Altemus M, et al. The impact of education, country, race and ethnicity on the self-report of postpartum depression using the Edinburgh Postnatal Depression Scale // Psychol Med. – 2017. – Vol. 47.-№5. – Pp. 787-99.
23. O'Hara M.W., Swain A.M. Rates and risk of postpartum depression-a meta-analysis // Int Rev Psychiatry. 1996. Vol. 8. Pp. 37-54.
24. American College of Obstetricians and Gynecologists. Screening for perinatal depression. ACOG committee opinion № 757 // Obstet Gynecol. 2018. Vol. 132. Pp. 208-212

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на тему, которая, судя по названию работы, должна внести нечто новое в теоретические представления о понимании проблемы послеродовой депрессии. Автор верно обращает внимание на то, что проблема изучения тревожно-депрессивной симптоматики у женщин в послеродовый период и особенностей ее взаимосвязи с типом психологического компонента гестационной доминанты в настоящее время приобретает все большую значимость и представляет собой важную область исследований, расположенную на стыке медицины, перинатальной и клинической психологии. Обращается внимание на то, что послеродовая депрессия одна из самых социально значимых медицинских проблем, существенно влияющая на здоровье матери и на многие аспекты ее жизни: на семью в целом, родных и близких и особенно на ребенка. Все это верно и достаточно хорошо известно. В самой статье приводятся сведения из литературы на эту тему. Поэтому возникает вопрос об актуальности исследования. Складывается впечатление, что автор обоснованию актуальности исследования уделил явно недостаточное внимание. Необходимо доработать введение с тем, чтобы актуальность исследования именно заявленного предмета была более убедительной.

Речь идет о предмете исследования, который определен автором как «психологический компонент гестационной доминанта». Обращает внимание некорректность данной формулировки, она непонятна по смыслу. Поэтому весь текст воспринимается вне связи с самым главным компонентом – предметом исследования.

Цель исследования сформулирована понятным образом и возражений не вызывает. Однако эту формулировку целесообразно упростить и увязать ее с предметом исследования. Пока формулировка цели представлена очень широко и включает в себя задачи исследования.

Несмотря на то, что формулировка научной новизны представлена в декларативном виде, с ее содержанием можно согласиться. Может быть из него целесообразно убрать слово «впервые». Но это на усмотрение автора.

В качестве методологического основания автор отмечает культурно-историческую теорию психического развития человека Л.С. Выготского, теоретические положения Г.Г. Филипповой в отношении стилей переживания беременности, типологию психологического компонента гестационной доминанты И.В. Добрякова. В данном случае целесообразно пояснение, что автор имеет в виду из теории Л.С. Выготского. Не исключено, что для методологического основания вполне достаточно только типологии психологического компонента гестационной доминанты И.В. Добрякова. В противном случае необходима детализация и конкретизация как по теории Л.С. Выготского, так и по теории Г.Г. Филипповой.

Стиль изложения текста научно-исследовательский. Автор приводит анализ литературных данных, результаты собственных исследований, делает соответствующие умозаключения и приводит выводы.

Структура работы также соответствует в целом общепринятым представлениям об изложении материала.

Содержание статьи свидетельствует о большом объеме проделанной работы. Автор использовал специальные методики, обследовал 120 женщин, средний возраст которых $22,3 \pm 8,2$ лет. Заявлено, что были использованы методы математико-статистической обработки данных: однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, Т-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Спирмена. Но вызывает вопросы обоснование статистических методов. Необходимо пояснение.

Дело в том, что все таблицы и рисунки не содержат первичных данных по использованным методам. В них содержатся только статистические показатели. Это неправильно в принципе. Таблицы должны содержать обработанные статическим

образом первичные данные, а все необходимые их статистически значимые величины должны быть помечены и в отношении них должно быть пояснение. В настоящее время табличный материал не читается. Необходима доработка. К тому же, не указаны единицы измерения в рисунках. А ведь методы, которые избрал автор для исследования, имеют единицы измерения.

Аргументация полученных данных по всему тексту сводится к таким, например, утверждения, как: «Корреляционный анализ Спирмена показал наличие положительной взаимосвязи шкалы тревоги с тревожным типом психологического компонента гестационной доминанты, ($r=0,421$; $p=0,01$) и отрицательной взаимосвязи с оптимальным типом психологического компонента гестационной доминанты ($r=-0,348$; $p=0,01$)». Все это может быть и так, только утверждениям такого рода должно предшествовать представление в тексте показателей шкалы тревоги и тревожного типа психологического компонента гестационной доминанты в усредненных единицах измерения. Например, хочется спросить автора: в каких единицах измерялся типом психологического компонента гестационной доминанты? Ведь приводятся данные $r=-0,348$; $p=0,01$. Какие единицы шкалы тревоги с какими единицами тревожного типа психологического компонента гестационной доминанты сравнивались, что получилось $r=-0,348$, $p=0,01$? И так далее по всему тексту.

В научно-доказательном отношении такие замечания очень важны и требуют внесения ясности во избежание заблуждений в трактовке полученных данных.

Тем более, что в выводах автор отмечает: «Низкие результаты по тревожно-депрессивной симптоматике у женщин в послеродовом периоде при экстренном кесаревом сечении могут быть связаны также с внезапностью происходящего, переоценкой ценностей и переориентацией направленности личности на здоровье себя и своего ребенка». Низкие результаты по тревожно-депрессивной симптоматике - это что? Где в тексте можно посмотреть на низкие результаты? А ведь это написано в выводах.

Автору замечания рецензента могут показаться трудно устранимыми. Но это совсем не так. Более того, даже незначительная доработка текста с учетом замечаний позволит представить его для публикации в неотразимом виде.

Материал этой статьи интересен по содержанию, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Сама статья после доработки текста может быть рекомендована к опубликованию, поскольку представляет интерес для читающей аудитории и включает источники из разных медико-психологических направлений по теме исследования, что свидетельствует о междисциплинарном характере исследуемой проблемы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Тревожно-депрессивная симптоматика в контексте типа отношения к беременности у женщин в послеродовый период»

Предмет исследования - тревожно-депрессивная симптоматика женщин в послеродовый период.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части применены методы анализа, систематизации и обобщения литературных данных, используется обзор 24 литературных источников, в том числе применены убедительные статистические данные. Все материалы актуальные, связаны с

темой работы, раскрывают причинно-следственные связи.

Эмпирическая часть исследования представлена достаточно обширно. Автор сравнивает особенности личности респондентов, которыми стали 120 женщин в возрасте от 22 до 30 лет, находящиеся в послеродовом периоде от одного до семи дней с момента родов. Следует отметить, что такое количество испытуемых, учитывая специфичность выборки, является весьма достойным. Среди испытуемых выделены подгруппы с учётом типа проживания женщин (город и село) и наличия родовспоможения (естественные роды, плановое кесарево сечение, экстренное кесарево сечение).

Группы испытуемых являются репрезентативными с точки зрения темы исследования, представлены разумным распределением с точки зрения возраста, места проживания и пр.

В исследовании использована анкета, с помощью которой выявлены возраст, семейное положение, наличие родовспоможения, тип проживания, а также использованы различные психodiагностические методики:

1. Госпитальная Шкала Тревоги и Депрессии (HADS). Госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS (The hospital Anxiety and Depression Scale Zigmond A.S., Snaith R.P.) разработана для первичного выявления депрессии и тревоги в условиях общемедицинской практики.

2. Тест отношений беременной – ТОБ(б) (Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М.).

В работе также применены статистические методы анализа: расчет средних арифметических, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, Т-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Спирмена. Методы грамотно подобраны с учетом особенностей выборки.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению личностных особенностей женин в послеродовой период всегда был повышенным. А в последние годы в связи с нарастанием депрессивных случаев данный интерес требует детализированного изучения. Это отражено в практической деятельности медицинских психологов, которые теперь регулярно отслеживают таких женщин и оказывают психологическую помощь. Следует отметить, что типичный депрессивный эпизод переживают 10 – 15 % женщин по всему миру после рождения ребенка. Поэтому заявленная тема в период увеличения неопределенности в окружающем мире является более чем актуальной.

Научная новизна – проявляется в том, что авторы рассматривают специфическую гипотезу, работы над которой может дать массу ценной прикладной информации для обеспечения психологического благополучия рожениц. Это предположение о наличие различий в типах отношения к беременности у женщин в послеродовый период в зависимости от типа проживания и применения родовспоможения и наличии взаимосвязей тревоги и депрессии с типом отношения к беременности у женщин в послеродовом периоде.

Работа выполнена как междисциплинарное исследование - на стыке медицины, перинатальной и клинической психологии

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Важно, что автор сопровождает обзор литературы аргументированными статистическими данными. Вводная часть отличается высоким уровнем проработки. Проанализированы фундаментальные исследования отечественных и зарубежных ученых, сделан их ёмкий обзор.

В основной части статьи представлено подробное описание организации исследования. Автор представил описание выборки, подробно описал организационную сторону

исследования. Методологическая часть работы вполне грамотно представлена в статье. Результаты исследования представлены в таблице со сравнительными межгрупповыми данными и подробно интерпретированы. Графики наглядно отражают выявленные зависимости.

В заключении автор делает грамотные и аргументированные выводы. Они структурированы с учетом особенностей тревожной симптоматики в связи с типом проживания, типом родовспоможения.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности, но при этом он вполне доступен для восприятия.

Библиография

Насчитывает 24 источников, в том числе издания на английском языке. Они датированы разными периодами, в том числе 2019-21 годом. Список литературы, по сути, является исчерпывающим списком по заявленной теме. Он оформлен без нарушений.

Апелляция к оппонентам – статья может быть рекомендована к публикации. Она содержит авторскую позицию, грамотный обзор литературы и качественное эмпирическое исследование. В качестве замечания можно высказать только рекомендацию об изменении названия «тип проживания» на «место проживания», но это не умаляет достоинств и ценности представленной работы.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории – психологов и психодиагностов, педагогов, психотерапевтов., медицинских и клинических психологов.

Англоязычные метаданные

Emotional burnout as an element of professional deformation among specialists working in correctional institutions

Kapustina Tatiana Viktorovna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation

690002, Russia, Primorsky Krai, Mavdostok, Ostryakova Ave., 2

✉ 12_archetypesplus@mail.ru

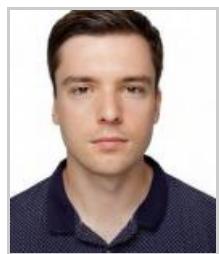

Gaidai Anton Sergeevich

Senior Lecturer, Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation

690002, Russia, Primorsky Krai, Mavdostok, Ostryakova Ave., 2

✉ netparoley@gmail.com

Gorshkova Oksana Vladimirovna

PhD in Sociology

Associate Professor, Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation

690002, Russia, Primorsky Krai, Mavdostok, Ostryakova Ave., 2

✉ oksgor@mail.ru

Kadyrov Ruslan Vasitovich

PhD in Psychology

Head of the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation

690002, Russia, Primorsky Krai, Mavdostok, Ostryakova Ave., 2

✉ rusl-kad@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is emotional burnout as an element of professional deformation among specialists working in correctional institutions. The empirical object of the study was specialists from correctional institutions with a work experience of 14 years or more, since they are more prone to emotional burnout. The comparison group was represented by teachers who do not work in correctional institutions. The total sample of the study is 104 people. The authors of the study make a general conclusion that the burnout syndrome should be considered as an element of professional deformation. The syndrome of emotional burnout is its element, since distortions of the personality and the psyche as a whole can be caused by prolonged exposure to stressful factors. These factors are associated with a general increased emotional background, harmful influences that provoke emotional reactions. All this exhausts the psyche and contributes to the development of professional deformation. The obtained statistical results made it possible to describe the features of the manifestation of emotional burnout as an element of professional deformation at the affective-cognitive, physiological and behavioral levels. A detailed description allows more detailed and precise formation of programs for prevention and psychological support for specialists in correctional institutions.

Keywords: behavioral component, affective-cognitive component, physiological component, component model, symptoms of emotional burnout, professional stress, specialists of correctional institutions, problems of interpersonal communication, professional deformation, emotional burnout

References (transliterated)

1. Belozerova L.A., Safukova N.N. Emotsional'noe vygoranie kak forma professional'noi deformatsii lichnosti spetsialistov sotsionicheskikh professii // Vektor nauki Tol'yatinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: pedagogika, psichologiya. 2014. № 2. S. 25-27.
2. Boyanov V.S., Kapustina T.V. Emotsional'noe vygoranie kak element professional'noi deformatsii lichnosti v kontekste professional'nogo krizisa // Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti. 2020. № 10. S. 14-21.
3. Vakulenko M.V. Psichologicheskie faktory professional'nykh deformatsii pedagogov // Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: pedagogika. Psichologiya. 2017. № 1. S. 37-41.
4. Davydova N.I. Osobennosti samorealizatsii pedagogov na raznykh stadiyakh emotsional'nogo vygoraniya: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. M., 2019. 216 s.
5. Ivanova A.V., Ivanova O.A. Problema emotsional'nogo vygoraniya pedagogov v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya // Chelovek. Sotsium. Obshchestvo. 2020. № 5. S. 4-8.
6. Kadyrov R.V., Kapustina T.V., Maksimovich A.B. Professional'nyi stress v deyatel'nosti spetsialistov Rospotrebnadzora // Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal. 2017. № 2. S. 8-11. <https://doi.org/10.17238/PmJ1609-1175.2017.2.8-11>
7. Kurlenya V.A. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya i destruktivnye izmeneniya lichnosti pedagoga // Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo. 2021. № 1 (68). S. 55-56.
8. Pachkolina E.N. Faktory, determiniruyushchie emotsional'noe vygoranie pedagogov // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: psikhologo-pedagogicheskie nauki. 2015. № 3. S. 180-186.
9. Samoilova I.V. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya kak forma professional'noi deformatsii pedagogov // Yamal'skii vestnik. 2020. № 1 (19). S. 46-48.
10. Khuziakhmetov A.N., Nasibullov R.R., Yarullin I.F. Emotsional'noe vygoranie pedagogov rabotayushchikh v inklyuzivnykh klassakh // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2021. № 5. S. 35-45.
11. Shamieva N.S., Farkhutdinova L.V. Problema emotsional'nogo vygoraniya pedagogov, rabotayushchikh s det'mi s rasstroistvami autisticheskogo spektra // Naukosfera. 2021. № 12-2. S. 112-116.
12. Bianchi R., Manzano-Garcí, G., Rolland J.-P. Is burnout primarily linked to work-situated factors? A relative weight analytic study // Front. Psychol. 2021. Vol. 11. P. 3975. doi: 10.3389/fpsyg.2020.623912
13. Garwood J. D. Special Educator Burnout and Fidelity in Implementing Behavior Support Plans: A Call to Action // Journal of Emotional and Behavioral Disorders. 2023. Vol. 31(2), P. 84–96. <https://doi.org/10.1177/10634266221099242>
14. Granger K. L., Sutherland K. S., Conroy M. A., Dear E., Morse A. Teacher Burnout and Supporting Teachers of Students with Emotional and Behavioral Disorders. // Journal of Emotional and Behavioral Disorders. 2023. Vol. 31(2), P. 144-153.

<https://doi.org/10.1177/10634266221149970>

15. Kariou A., Koutsimani P., Montgomery A., Lainidi O. Emotional Labor and Burnout among Teachers: A Systematic Review // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021, 18(23), 12760; <https://doi.org/10.3390/ijerph182312760>
16. Marques-Pinto A., Moreira S., Costa-Lopes R., Zózimo N., Vala J. Predictors of Burnout Among Physicians: Evidence From a National Study in Portugal // Frontiers in Psychology. 2021. Vol.12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.69997>

Development of Professional Identity of Employees of Internal Affairs Bodies with Different Locus of Control

Kanunnikov Roman Igorevich

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Philosophy, Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

640042, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 40 let Oktyabrya str., 46 sq. 49.

 roma.kanunnikov@inbox.ru

Ryabova Mariya Gennad'evna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Philosophy, Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

620042, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Mkr str. Svetly, 5, sq. 1228,

 ryabina_mariya@mail.ru

Abstract. The article analyzes the development of professional identity among police officers with different locus of control. The object of the study: employees of the internal affairs bodies. Subject of research: the influence of locus control on the development of professional identity of employees of internal affairs bodies. The relevance of the study is to determine the influence of locus of control on the development of professional identity in law enforcement officers. Professional development is a key problem in the psychological support of the personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The authors have revealed that the locus of control is of great importance in the life of employees of internal affairs bodies, as it is associated with the development of professional identity. Using a complex of psychodiagnostic techniques: "Personal and social identity" (A.A. Urbanovich), personal questionnaire "Who am I" (M. Kuhn, K. McPartland), personal questionnaire "Formal and meaningful identity" (E.V. Raspopin, E.A. Rybyakova), test "The level of subjective control" (J. Rotter, modification by E.F. Bazhin, E.A. Golynkina, L.M. Etkind) substantiates the existence of a relationship between the locus of control and professional identity in law enforcement officers. It is proved that the most effective is the average level of internality of the locus of control, which contributes to the professional identity of a law enforcement officer. The necessity of forming a professional identity taking into account the locus of control among employees of internal affairs bodies is discussed.

Keywords: internals, service team, self - reflection, value orientations, externals, locus of control, professional development, professional identity, internality, personality

References (transliterated)

1. Beznosov S. P. Professional'naya deformatsiya lichnosti. /S.P. Beznosov –SPb.: Rech', 2008.–371 s.
2. Gavrilova K.N., Kuznetsova O.E. Osobennosti professional'noi identichnosti u sotrudnikov OVD pervogo goda sluzhby // Materialy XIII Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii «Studencheskii nauchnyi forum» URL:<https://scienceforum.ru/2021/article/2018025106> (data obrashcheniya: 17.05.2022).
3. Goncharuk A.G., Gryaznova E.V. Problema opredeleniya «professional'naya identichnost'» v psikhologii // Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiya. – 2019. – №3(28). – S. 323–325.
4. Ermolaeva E.P. Professional'naya identichnost' i marginalizm: kontseptsiya i real'nost' (stat'ya pervaya). // Psikhologicheskii zhurnal – T. 22, № 4.–2017. –S. 51 – 59.
5. Deinekina A.K. Osobennosti lokus kontrolya sotrudnikov OVD na raznykh etapakh professionalizatsii // Obshchestvo, politika, ekonomika, pravo. – 2011. – №3. S.157 – 159.
6. Zlokazov K.V. osobennosti professional'noi identichnosti kursantov v svyazi s destruktivnost'yu lichnosti // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii: nauchnyi zhurnal. – 2011. – № 1. – C. 106–112.
7. Mar'in M.I., Bochkova A.A. Psikhologicheskie osobennosti sotrudnikov organov vnutrennikh del, sklonnykh k protivopravnomu povedeniyu. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya.– № 3, 2014.–S. 47–53.
8. Pchegatluk A.A. Lokus kontrolya v sovremennoi psikhologii / A.A. Pchegatluk // Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik. № 5 (2). –2015. –S. 272 – 275.
9. Rean A.A. Pravosoznanie, pravovoe vospitanie i sotsial'nye ustanovki lichnosti. // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry, № 2, –2016.–S. 208–212.
10. Ren'sh M.A. Professional'nyi stazh kak faktor stanovleniya professional'noi identichnosti // Psikhologicheskie issledovaniya. – 2011. – №3. – S. 34–39.
11. Simonova V.S. Osobennosti professional'noi identichnosti kursantov vuzov MVD Rossii v zavisimosti ot urovnya professional'noi adaptatsii. // Molodoi uchenyi. – 2016. – № 5 (109). – S. 640–643. –URL: <https://moluch.ru/archive/109/26630/> (data obrashcheniya: 17.05.2022).
12. Shapoval V.A. Professional'naya identichnost' sotrudnikov OVD: sistema otsenki, prognozirovaniya i monitoringa v kontekste psikhodinamicheskogo podkhoda. – Monografiya. – Sankt-Peterburg: SPb Universitet MVD Rossii, 2012. – 142 s.
13. Shumyantsova O.V., Evseev L.L. Vliyanie lokusa kontrolya na professional'nyu deyatel'nost' v osobykh usloviyakh // Kursantskie issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov Mogilevskogo instituta MVD № 3–2018.– S.120–121.

On Compensation of the Impact of the Development of Information and Communication Technologies on Cognitive Functions

Gelman Viktor □

Doctor of Technical Science

Professor, Department of Medical Informatics and Physics, North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov

191015, Russia, Saint Petersburg, Kirochnaya str., 41

Abstract. At present, serious technological changes are taking place in the world and especially rapidly in the field of information and communication technologies. These changes have a significant impact on all aspects of people's lives and activities. The subject of this article is the influence of the development of information and communication technologies on human cognitive functions. The effects of the Internet, smartphones, social networks, calculators, working with the keyboard, and reducing the volume of non-electronic reading are considered in detail. Particular attention is paid to the impairment of verbal and logical memory, the emergence of "digital dementia", the deterioration of analytical and logical thinking, the emergence of clip thinking, a decrease in communication abilities and the complication of current decision-making. A number of possible approaches are proposed as means to compensate for the decrease in the considered cognitive functions caused by the development of information and communication technologies. It is shown that the necessary correction can be carried out by training weakening functions with the help of special cognitive gymnastics: suitable intellectual games, certain exercises. The system of compensating classes, including educational games and special exercises, can be combined into an academic discipline under the conditional name "intellectual culture" (by analogy with physical culture). The need to ensure a sufficiently high level of basic knowledge was also noted. In addition, it is proposed to adjust the education system to neutralize the observed negative trends.

Keywords: special exercises, compensation, educational games, making decisions, communication skills, clip thinking, memory, influence, information and communication technologies, cognitive functions

References (transliterated)

1. Gel'man V. Ya. Formirovaniye sistemy professional'nykh stereotipov u studentov vuza // Alma mater. 2022. № 2. S. 35-41. DOI: 10.20339/AM.02-22.035
2. Smoll G., Vorgan G. Mozg onlain. Chelovek v epokhu Interneta / per. S angl. B. Kozlovskogo. M. : Kolibri: Azbuka-Attikus, 2011. 352 s.
3. Bobrova L. A. Komp'yuter, internet i myshlenie: izmenenie myshleniya pod vliyaniem sovremennoy tekhnologii // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3, Filosofiya: Referativnyi zhurnal. 2019. S. 72-80
4. Predvaritel'nyi otchet po rezul'tatam rassledovaniya katastrofy samoleta RRJ-95B RA-89098 / Mezhgosudarstvennyi aviationsionnyi komitet. 2019. 104 s.
5. Avedisova A. S., Faizulloev A. F. Kognitivnye funktsii i metody ikh izucheniya // Rossiiskii psichiatricheskii zhurnal. 2003. № 1. S. 16-20.
6. Zakharov V. V. Vedenie patsientov s kognitivnymi narusheniyami // Russkii meditsinskii zhurnal. 2007. № 6. S. 510-515.
7. Abdullin A. G., Likholetov V. V., Karavaev A. F. «Spasatel'nyi krug» profilaktiki ukhudsheniya zdorov'ya molodezhi v epokhu tsifrovoi transformatsii obrazovaniya // Psichopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2022. T. 27, № 2(89). S. 173-188. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-289-173-188>
8. Greenfield S., Change M. How digital technologies are leaving their marks on our brains». Random House, 2014. 384 r.
9. Morozova T.V. Pochemu sovremennaya molodezh' tak malo chitaet. / V sb.: Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk v Rossii i za rubezhom. Novosibirsk. 2016. S. 35-40.
10. Vershlovskii S. G., Matyushkina M. D. Funktsional'naya gramotnost' vypusknikov shkol

- // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2007. № 5. S. 140-144.
11. Loh K. K., Kanai R. How has the Internet reshaped human cognition? Neuroscientist. 2016 Oct;22(5):506-520. doi: 10.1177/ 1073858415595005.
 12. Shulyak A. S. Komp'yuter i zdorov'e // Smolenskii meditsinskii al'manakh. 2015. Vypusk № 3. S. 120-122.
 13. Baek I. H., Park E. J. 'Digital dementia' is on the rise. Korea JoongAng Daily. June 24, 2013. <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid%2973527>. Accessed October 12, 2022.
 14. Dokuka S. V. Klipovoe myshlenie kak fenomen informatsionnogo obshchestva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2013. №. 2. S. 169-176.
 15. Dmitrieva E. S., Gel'man V. Ya., Zaitseva K. A., Lan'ko S. V.. Vozrastnye osobennosti vzaimosvyazi uspeshnosti obucheniya i kharakteristik slukhovoi operativnoi pamyati. Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti. 2007. Tom 57. №3. C. 279-286.
 16. Smirnova O. M. Tsifrovaya epokha i virtualizatsiya soznaniya // Problemy i riski inzhenernogo obrazovaniya v KhKh1 v.: Monografiya / Pod obshch. red. I.A. Gerasimovoi. M.: Universitetskaya kniga, 2017. S. 76-109.
 17. Gel'man V. Ya., Dmitrieva E. S. Vzaimosvyaz' emotSIONAL'nogo intellekta obuchaemykh s vospriyatiem neverbal'noi informatsii // Psikhologiya obucheniya. 2017. № 11. S. 28-38.
 18. Dmitrieva E. S., Gel'man V. Ya., Zaitseva K. A., Orlov A. M. Zavisimost' vospriyatiya emotSIONAL'noi informatsii rechi ot akusticheskikh parametrov stimula u detei raznogo vozrasta // Fiziologiya cheloveka. 2008. T. 34. № 4. S. 149-153.
 19. Venevtseva Yu. L., Putilin L. V. Gendernye osobennosti pocherka i ikh vzaimosvyaz' s vegetativnym i psikhofiziologicheskim statusom u studentov meditsinskogo instituta // Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii. Elektronnoe izdanie. 2018. T. 12. №. 6. S. 165-168.
 20. Gel'man V. Ya. O tendentsiyakh v formirovaniibazovykh znanii u studentov // Alma mater. 2020. № 8. S. 23-27. DOI: 10.20339/AM.08-20.023
 21. Noskova I. S. Kognitivnaya gimnastika // Meditsinskaya sestra. 2017. №. 5. S. 22-25.
 22. Gel'man V. Ya. Ispol'zovanie igrovogo podkhoda v prepodavanii obshcheprofessional'nykh distsiplin // Problemy sovremennoi obrazovaniya. 2020. № 3. S. 154-161. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-3-154-161
 23. Kobyakova N. V. Razvitie pamyati u mladshikh shkol'nikov // Itogi nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti 2017: izobreteniya, metodiki, innovatsii. 2017. S. 452-453.

Identity features of adolescents with suicidal attempts during the COVID-19 pandemic

Tulitbaeva Galina Fanilevna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Ufa University of Science and Technology

3/4 Karl Marx str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450000, Russia

 tulitbaevagf@rambler.ru

Politika Oksana Ivanovna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Federal State Educational Institution of Higher Education Bashkir State University

450000, Russia, respublika Bashkortostan, g. Ufa, ul. Zaki Validi, 32

✉ okcanapolitika@yandex.ru

Safina Lyaisan Faritovna

Master's degree, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Bashkir State University

450000, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32

✉ sammerrain74@yandex.ru

Abstract. From the very beginning of the pandemic period of Covid-2019 numerous sources have recorded an increase in the number of suicides among adolescents. The article presents the results of an empirical study aimed at studying social and personal identity of adolescents with a history of suicidal attempts and adolescents without suicidal attempts. At the time of the study, all adolescents who attempted suicide were undergoing treatment at the Republican Clinical Psychotherapy Center and the Republican Clinical Psychiatric Hospital of the Republic of Belarus (42 people). A group of teenagers without suicidal intentions consisted of 84 students of the MAOU "Physics and Mathematics Lyceum No. 93" of the Ufa city. The study describes the differences in social and personal identity in two selected groups of adolescents. Statistically significant differences were found between adolescents who attempted suicide and adolescents who did not have a history of attempts, according to the following indicators: socio-psychological adaptation, personal identity, top-down comparison. Adolescents without suicidal intentions have a higher level of expression of socio-psychological adaptation, they are more positive about themselves, they have a stable system of value orientations and a high level of reflexivity, unlike adolescents with a history of suicidal attempts. Adolescents with suicidal attempts to a lesser extent feel and realize the uniqueness of their personality, the uniqueness of their personal qualities, they are characterized by rejection of the norms and rules of society, the desire for detachment, indifference to their own Self, loss of interest in their inner world, low self-esteem. The samples are similar in terms of pastime, cohesion, intergroup competition and comparison, and collective self-esteem.

Keywords: Covid-2019, suicide in adolescents, teenager, suicidal personality, suicidal behavior, suicide, adolescence, social identity, personal identity, identity

References (transliterated)

1. VOZ. Samoubiistvo. - URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/suicide>. Ssylka aktivna na 14.03.2022.
2. RBK. Pandemiya vdvoe uvelichila chislo psikhicheskikh rasstroistv sredi podrostkov. - URL: <https://www.rbc.ru/society/13/08/2021/6116cdc09a794780c49de5f1>. Ssylka aktivna na 14.03.2022.
3. Mark A. Reger; Ian H. Stanley; Thomas E. Joiner Suicide Mortality and Coronavirus Disease 2019 – A Perfect Storm? // JAMA Psychiatry. - 2020. - Nov 1. - 77(11). R. 1093-1094. DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2020.1060.
4. Vikipediya. Identichnost'. - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Identichnost'>
5. Nikishina V.B., Petrash E.A. Metodika issledovaniya lichnostnoi identichnosti: metodologiya i tekhnologiya standartizatsii // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija. - 2014. - №13 (184). S. 354-361.

6. Vas'kova O.V. Primenenie oprosnika sotsial'noi identichnosti dlya diagnostiki sotsial'no-psikhologicheskikh osobennostei uchenicheskoi gruppy starshikh podrostkov //Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. - 2013. - № 2. S. 87-96.

Anxiety-depressive symptoms in the context of the type of attitude to pregnancy of women in the postpartum period

Kuzmina Anna Sergeevna □

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Clinical Psychology, Altai State University

656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Lenin str., 61, office 302

✉ annakuz87@yandex.ru

Praizendorf Ekaterina Sergeevna □

Senior Lecturer of the Department of Clinical Psychology of Altai State University

656049, Russia, Altaiskii krai, g. Barnaul, ul. Lenina, 61, of. 302

✉ catherinears@list.ru

Abstract. The subject of the study is the anxiety-depressive symptoms of women in the postpartum period. The aim of the study is to identify the interrelationships of anxiety-depressive symptoms of women in the postpartum period and the type of their attitude to pregnancy.

The author identified differences in anxiety-depressive symptoms of women with different types of residence and the use of maternity care. The results on the relationship of anxiety and depression with the type of attitude to pregnancy of women in the postpartum period were obtained.

Research methodology: typology of the psychological component of the gestational dominant I.V. Dobryakova.

Empirical basis of the study: the study was conducted on the basis of the Altai Regional Clinical Center for Maternal and Child Health with women in the early postpartum period. The existence of interrelations between the appearance of anxiety-depressive symptoms of women in the postpartum period and the type of attitude to pregnancy is theoretically substantiated and empirically proven. Qualitative characteristics of differences in the type of attitude to pregnancy of women with different types of residence and the use of maternity care are determined. The main conclusions of the study are : Anxious symptoms in the postpartum period are more typical for women from rural areas; Women who have undergone natural childbirth are more likely to experience depression and anxiety in the postpartum period; Rural women are more characterized by a hypogestognosic type of attitude to pregnancy, urban women - a depressive type of attitude to pregnancy; Anxious and depressive types of attitude to pregnancy associated with fears, expressed fears, tearfulness are risk factors for the development of anxiety-depressive symptoms in women in the postpartum period.

Keywords: Anxiety-depressive symptoms, Depression, Postpartum period, Anxiety, Natural childbirth, gestational dominant, attitude to pregnancy, Psychology of pregnancy, Preparation for childbirth, Pregnancy

References (transliterated)

1. Akhmadeeva E.N., Enikeeva Yu.D. Sravnitel'naya otsenka komponentov zhizni rodil'nits v poslerodovom periode v zavisimosti ot sposoba rodorazresheniya // Problemy zhenskogo zdorov'ya. 2012. T. 7. № 4. S. 27-33.
2. Balashov P.P., Kolesnikova A.M., Mamysheva N.L. Klinicheskie osobennosti trevoznykh rasstroistv u beremennykh zhenshchin // Zhurnal nevrologii i psikiatrii. 2014. № 11. S. 20-23.
3. Galyautdinova S.I., Kutusheva R.R., Gumerova R.B. Psikhologicheskaya gotovnost' beremennykh zhenshchin k roditel'stvu // Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2016. T. 5. № 2. S. 243-250.
4. Gardanova Zh.R., Anisimova K.A., Vasil'eva A.V. i dr. Trevozhno-depressivnye rasstroistva u beremennykh s arterial'noi gipertenziei // Akusherstvo i ginekologiya. 2016. № 8. S. 54-59.
5. Garnizov T., Khadzhideleva D. Poslerodovaya depressiya // Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri. 2015. № 3. S. 58-69.
6. Gor'kovaya I.A., Ryazanova O.V., Aleksandrovich Yu.S. i dr. Psikhoprofilaktika poslerodovoi depressii u zhenshchin s razlichnymi variantami rodorazresheniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2017. Tom 28, vyp. 4. S. 437-442.
7. Dobryakov I.V. Perinatal'naya psikhologiya. Sankt-Peterburg: Piter, 2010. S. 272.
8. Emel'yanova D.I. Kachestvo zhizni, svyazannoe so zdorov'em, i uroven' trevogi i depressii u zhenshchin, beremennost' kotorykh protekaet na fone arterial'noi gipertenzii (obzor literatury) // Vyatskii meditsinskii vestnik. 2014. № 2. S. 36-41.
9. Zolotova I.A. Issledovanie osobennosti psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoi dominanty kak indikatora formirovaniya disfunktional'nykh otnoshenii v sisteme «mat' – ditya» u zhenshchin razlichnykh vozrastnykh kategorii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2021. T. 27, № 2. S. 135-142.
10. Ivashinenko D.M., Kultygina S.V. Kompleksnaya otsenka sostoyaniya zhenshchin s poslerodovoi depressiei // Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii. 2011. № 18 (3). S. 233-234.
11. Ignatko I.V., Kinkul'kina M.A., Florova V.S. [i dr.] Poslerodovaya depressiya: novyi vzglyad na problemu // Voprosy ginekologii, akusherstva i perinatologii. 2018. T. 17. № 1. S. 45-53.
12. Kedjarova E. A., Rysyatova M. S., Uvarova M. Yu. Kharakterologicheskie osobennosti i tipy otnosheniya k beremennosti u molodykh zhenshchin // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya. 2018. T. 24. S. 45-57.
<https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.45>
13. Kol'chik E.Yu., Ushakova V.R. Spetsifikata otnosheniya k beremennosti zhenshchin s raznym semeinym statusom // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2020. № 3. C. 1-10.
14. Korgozha M.A. Dinamika emotSIONAL'nykh sostoyanii u zhenshchin v poslerodovom periode: dis. ... kand. med. nauk. Sankt-Peterburg, 2019. S. 205.
15. Kornetov N.A. Poslerodovaya depressiya-tsentral'naya problema okhrany psikhicheskogo zdorov'ya rannego materinstva // Byulleten' Sibirskoi meditsiny. 2015. T. 4. № 6. S. 5-24.
16. Lantsbur M.E., Krysanova T.V., Solov'eva E.V. Psikhologicheskie i psikhosomaticheskie narusheniya v period beremennosti i rodov: obzor sovremennoy zhenshchinykh issledovanii // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2016. T. 5 (2). S. 78-87.

17. Makarova M.A., Tikhonova Yu.G., Avdeeva T.I. i dr. Poslerodovaya depressiya – faktory riska razvitiya, klinicheskie i terapeuticheskie aspekty // Nevrologiya, neiropsikiatriya, psikhosomatika. 2021. T. 13. №4. C. 75–80.
18. Medvedev D. A., Malysheva D. S. Vnutrenniy mir beremennoi zhenshchiny v vozraste rannei vzroslosti // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psichologiya. 2017. T. 22. S. 30–41.
19. Reznik V.A., Kozyrko E.V., Ryazanova O.V., i dr. Rasprostranennost' i laboratornye markery poslerodovoi depressii // Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei. 2018. T. 67. № 4. S. 19–29. doi: 10.17816/JOWD67419-29
20. Ryazanova O.V. Vliyanie anesteziologicheskoi strategii pri rodorazreshenii na razvitiye poslerodovoi depressii: dis. ... dok. med. nauk.-Sankt-Peterburg, 2021.-S. 213.
21. Filippova G.G. Psichologiya materinstva. M.: Yurait, 2018. 212 s.
22. Di Florio A, Putnam K, Altemus M, et al. The impact of education, country, race and ethnicity on the self-report of postpartum depression using the Edinburgh Postnatal Depression Scale // Psychol Med. – 2017. – Vol. 47.-№5. – Pp. 787-99.
23. O'Hara M.W., Swain A.M. Rates and risk of postpartum depression-a meta-analysis // Int Rev Psychiatry. 1996. Vol. 8. Pp. 37-54.
24. American College of Obstetricians and Gynecologists. Screening for perinatal depression. ACOG committee opinion № 757 // Obstet Gynecol. 2018. Vol. 132. Pp. 208-212